

Олег Сенин

«Небесные блики»

*Вера в жизни и стихах русских поэтов.
От Ломоносова до Ахматовой.*

*Автор статей и составитель сборника
Олег Сенин*

г. Тула, 2013

УДК 82.97
ББК 84 (2).94
С31

*По благословению митрополита
Тульского и Ефремовского Алексия.*

*Допущено к распространению
Издательским Советом Русской Православной Церкви»*

ИС 14-323-2826

С31 Сенин О.
Небесные блики...: Проза, стихи. – Тула:
ООО «Имидж Принт», 2013. – 272 с.

УДК 82.97
ББК 84 (2).94

© Сенин О., 2013
© ООО «Имидж Принт», 2013

Предисловие

У апостола Иакова о природе художественного дара сказано: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов». Ему вторит В.А. Жуковский: «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли!»

Древнее изречение гласит: «Поэтом нельзя стать – им надо родиться». Небесное происхождение поэтического дара во все времена делало поэта своего рода избранником Божиим. Талант наделял способностью по-новому увидеть, осмыслить и запечатлеть извечную красоту природы и мира души. Это достигалось посредством вдохновения и творческого озарения. А так как Бог содержит в Себе все мыслимые совершенства, то всякое художественное воплощение высвечивало ту или иную сияющую грань Небесного Идеала.

Особенно зримо присутствие богодухновенной поэзии на светозарных страницах «Книги книг». Пророк Моисей, Псалмопевец Давид, апостол любви Иоанн поражают нас силой и выразительностью «глаголов жизни вечной». По сути, духоносная поэзия Библии является неподражаемым примером для поэтов всех времен и народов.

Вчитываясь в строки тех или иных авторов, мы обогащаемся их видением жизни, усваиваем доселе не познанные смыслы, образы и краски природы и сокровен-

ные переживания сердца. В том и состоит душевное родство читателя с поэтом, что выраженное в слове, дорого всякому, кто наделен способностью отзываться на прекрасное. В отличие от поэта, мы бессильны с таким же мастерством передать в стихах свои впечатления и переживания. Отсюда чувство признательности к людям, обладающим поэтическим даром.

На страницах сравнительно молодой русской литературы зримо присутствуют блики небесных озарений. Со времени Крещения наша письменность стремилась хранить верность Божьей правде и евангельским ценностям. Ее никогда не оставляли озабоченность вопросами веры и неверия и извечный поиск смысла жизни. Лучших из наших писателей и поэтов неизменно привлекал образ Господа Иисуса Христа, самоотреченный подвиг Его любви ради нашего спасения.

Духовное наследие русской поэзии может много дать всякому верующему сердцу, ибо истинный христианин, хоть на капельку, – поэт в душе. Ему присущ тот же порыв к Небу, умиленность росинкой и цветком, детской улыбкой и красками летнего заката. Человеку веры свойственны молитвенное благоговение и окрыленность любовью к Богу и ближнему. Как сказано в Евангелии: «...от избытка сердца говорят уста».

Дорогие читатели, предлагаемый сборник содержит стихи поэтов, от Ломоносова до Ахматовой. Каждая подборка предваряется кратким очерком, содержащим сведения о поиске и обретении веры автором.

Олег Сенин

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765)

Выходец из простого народа, разносторонними талантами он перед всем светом засвидетельствовал, какие недюжинные силы сокрыты в даровитом русском крестьянстве. Жизненный подвиг и научные открытия Ломоносова общеизвестны, чего нельзя сказать о его религиозных воззрениях. «Псалтирь» и «Часослов» стали первыми книгами, по которым пытливый мальчик из Холмогор учился грамоте. Возвышенная поэтика Священного Писания и церковных служб покорила его сердце, восприимчивое к знанию и благолепию. Влияние матери (дочери сельского дьякона) и уклад жизни набожного поморского крестьянства заложили в нём основу твердой веры. Во всех перипетиях жизни она не покидала его, укрепляя в трудностях и испытаниях. В детстве и отрочестве Ломоносов любил петь в церковном хоре. Среди прихожан считался непревзойденным чтецом молитв из «Часов» и «Апостола» (посланий святых апостолов).

Полученные впоследствии научные познания не сделали его скептиком и вольнодумцем, как то случалось с учеными мужами того времени. В этом отношении Ломоносову помог Вольф, его заграничный учитель, ученый философ, который предложил теорию о преду-

становленной Богом гармонии мироздания. Вернейший путь примирения науки с верою Вольф видит в изучении природы, архитектором и художником которой является Творец. Михаил Васильевич многое воспринял от любимого учителя: он свято уважал основы религии, но признавал права разума и научного познания.

Ломоносов вырос среди величественных картин русского Севера, с его дремучими лесами, беспокойной стихией Белого моря, огромными, в полнеба, сполохами северного сияния. Став большим ученым, проникая в тайны вещества, он провидел в природе Богом данную законосообразность. Основы веры он подтверждал научными исследованиями. Михаил Васильевич говорил: «Создатель дал роду человеческому две книги: в одной показал Свое величество, а в другой – Свою волю. Первая – видимый сей мир, вторая – Священное Писание». Питая интерес к трудам отцов Церкви, таких как Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, видя их стремление примирить науку с верой, он восклицал: «О, если бы в их время известны были изобретенные недавно астрономические орудия и открыты тысячи новых звезд! С каким бы восторгом проповедники истины возвестили о новых свидетельствах величия, мудрости и могуществе Творца!»

Поражает библейская исполненность образов, которыми изобилуют его духовные оды и переложения псалмов. В оде «Утреннее размышление о Божием величестве» языком поэзии выражено космологическое доказательство бытия Божия. Оно гласит: «Поскольку есть творение, то должен быть и его Творец, Который, таким образом, является первопричиной всего сущего». Высший разум Создателя привнес в сотворенный мир закономерность, синхронность, гармонию. Ода на-

писана в 1743 году. В ней Ломоносов предстает убежденным христианином, ученым и поэтом, о чем свидетельствует как научная проницательность, так и поэтическая образность, яркая и точная.

Утреннее размышление о Божием величестве

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И Божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель Сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к солнцу бrenно наше око
Могло, приблизившись, возреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющиеся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред Тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что Ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись
Исполнены Твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик Зиждитель наш Господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор Твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.
От светлости Твоих очей
Льет радость твари всей.

Творец! Покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда твори научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, бессмертный Царь.

Жизненные восхождения Ломоносова, его беспри-
мерная неутомимость в трудах, духовные и научные оза-
рения показывают, что все возможно в Господе. На при-
мере его жизни ободряюще звучат строки некрасовского
стихотворения, обращенные к русскому школьнику:

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Закладывая основания русской науки, Михаил Ва-

сильевич постоянно сталкивался с непониманием и сопротивлением ретроградов и завистников. При этом, как искренне верующий человек, за помощью и утешением он обращался прежде всего к Господу, который не оставлял его во все дни жизни.

Преложение псалма 70

(отрывок)

В Тебе надежду полагаю,
Всесильный Господи, всегда,
К Тебе и ныне прибегаю,
Да век спасуся от стыда.

... В терпении моем, Зиждитель,
Ты был от самых юных дней
Помощник мой и Покровитель,
Пристанище души моей.

Превозносить Твою державу
И воспевать на всякой час
Великолепие и славу
От уст да устремится глас.

Во время старости глубокой,
О Боже мой, не отступи,
Но крепкой мышцей и высокой
Увявши члены укрепи.

О Боже мой, не удалися,
Покрой меня рукой Своей
И помощь ниспослать потщися
Объятой злом душе моей.

Преложение псалма 26

(отрывок)

Господь Спаситель мне и Свет:
Кого я убоюся?
Господь Сам жизнь мою блюдет:
Кого я утрашуся?

Я только от Творца прошу,
Чтоб в храм Его вселиться;
И больше в свете не ищу,
Как в оном веселиться.

Услыши, Господи, мой глас,
Когда к Тебе взываю,
И сохрани на всякой час:
К Тебе я прибегаю.

Ко свету Твоего лица
Вперяю взор душевный
И от всещедрого Творца
Приемлю луч вседневный.

Настави, Господи, на путь
Святым твоим Законом,
Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящегося в оном.

Хвалите Господа, всея земли языки,
Воспойте Вышняго, вси малы и велики,
Что милость Он Свою вовек поставил в нас,
И истинна Его пребудет всякой час.

Гавриил Романович Державин (1743–1816)

Автор знаменитой оды «Бог», в мощных аккордах слова и смысла запечатлевший Предвечного, родился на свет слабым и хилым. Опасаясь за его жизнь, малютку пришлось, по тогдашнему обычаю, обкладывать тестом и ставить в остывающую печь. По рассказу его матери, когда младенцу едва исполнился год, по небу над армейским поселением, где служил офицером его отец, шла большая комета. Подхватив ребенка на руки, она выбежала на крыльцо, чтобы дитя увидело небесное диво. Знаменательно, что первое слово, произнесенное в ту минуту мальчиком-несмышленишем, было слово «Бог». Через сорок лет, благодаря своей оде «Бог», он сделается известным не только в России, но и во всей Европе.

Вот что узнаем мы из истории создания оды от биографа, автора обширного труда о жизни Державина Якова Грота. Она была начата поэтом в 1780 году в Светлое Христово Воскресение, по возвращении с Пасхальной заутрени. Но дела службы и столичная жизнь долго не давали ему снова приняться за нее. Вышедши в отставку в феврале 1784 года, для завершения оды он решил на короткое время уединиться. Сказав жене, что едет в свое белорусское имение, Державин остановился в Нарве и там на несколько дней снял у старушки-немки ма-

ленькую комнатку. Запершись, он без устали работал над ней несколько дней кряду. Доказательством того, как воображение его было разгорячено, может служить рассказ об окончании оды: не дописав последней строфы, уже ночью, Державин заснул перед зарею: вдруг ему показалось, что кругом по стенам бегают яркий свет, слезы ручьями полились у него из глаз, он встал и при свете лампы разом написал последнюю строфу:

Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

До Державина никто с такой мощью и глубиной не раскрывал искания человеческого духа, стремящегося понять свое место в мире, свое отношение к Богу, к природе, к вселенной. Не было еще в русской литературе произведения, которое столь бы возвысило человека, как Божие творение, образ и подобие Создателя. Строки оды проникнуты радостным чувством единения с Высшим Существом.

Ода «Бог»

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц, в Трех Лицах Божества!
Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, —

Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает,
В Твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.
Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В Себе Самом Ты основал:
Себя Собою составляя,
Собою из Себя сияя,
Ты Свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!
Ты цепь существ в Себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от Тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под Тобой.
Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,

Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры –
Перед Тобой – как ночь пред днем.
Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед Тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, – и то,
Когда дерзну сравнить с Тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед Тобой – ничто.
Ничто! – Но Ты во мне сияешь
Величеством Твоих доброт;
Во мне Себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! – Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь – конечно, есть и Ты!
Ты есть! – природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть – и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных

И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Твое создание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! – в бессмертие Твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Говоря о нравственном облике Державина, следует пре-

жде всего сказать о присущей ему склонности к правдолюбию. Оно сделалось причиной многих житейских огорчений, но, с другой стороны, завоевывало уважение даже тех, кому явно не по душе приходилась эта черта его натуры. Праведная нетерпимость ко всякой несправедливости объясняется не только врожденными свойствами его характера, но и тем горьким опытом, который он приобрел, будучи еще 12-летним мальчиком. После смерти отца, бедного армейского офицера, корыстные соседи оттягали у несчастной вдовы часть и без того небольших усадебных земель. Мать Державина, женщина робкая и малограмотная, в поисках управы долгое время обивала пороги судов и разного рода чиновников. Привожу скорбные воспоминания самого Державина о том времени: «Мать, чтобы хоть где-нибудь отыскать правосудие, должна была с малыми сыновьями ходить по судьям, стоять у них в передних у дверей по несколько часов, дожидаясь их выхода; но когда они выходили, то никто не хотел ее выслушать порядочно, но все с жестокосердием проходили мимо, и она должна была ни с чем возвращаться домой со слезами, в крайней горести и печали». Эти сцены на всю жизнь врезались в память впечатлительному мальчику.

Много лет спустя, занимая посты губернатора, сенатора, министра юстиции, Державин в своей деятельности будет назидаться печалью и слезами матери, всегда и во всем отстаивая святую правду. Он всю жизнь не мог равнодушно сносить обид и притеснений, чинимых вдовам и сиротам. Потому так впечатляюще звучат строки переложенного им 81 псалма Давида. Переложение с удивительным лаконизмом и звучностью передает текст оригинала и одновременно вносит дух державинской лирики, столь характерное для поэта единство величавой торжественности и разящей иронии. По

этой причине ода была воспринята далеко не однозначно. Из журнала «Санкт-Петербургский вестник» по указанию цензора она была вырезана (1780). Ее не допустили к печатанию в собрании сочинений поэта в 1795. По свидетельствам современников она вызвала крайнее недовольство императрицы и злоречие придворных. Подобная реакция во многом объяснялась революционными событиями во Франции. Там в 1789 году был свергнут и казнен король Людовик XVI, и через некоторое время в стране утвердилась зловещая якобинская диктатура. Державину не без иронии приходилось доказывать, что Псалмопевец Давид не был якобинцем.

Властителям и судиям

Восстал всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?
Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.
Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.
Не внемлют! – видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.
Цари! – Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья, –
Но вы, как я, подобно страстны

И так же смертны, как и я.
И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!
Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един Царем земли!

Назначенный тамбовским губернатором, он и здесь проявил неуступчивость к мздоимству и неправосудности, процветавшим в чиновничьем аппарате. Действуя так, он очень скоро нажил себе немало врагов как среди подчиненных, так и среди высших сановников. В результате их козней Державин был отдан под суд, но в итоге вышел оправданным.

Состоя статс-секретарем императрицы, Гавриил Романович с присущей ему наивностью решил, что, имея доступ к самой властительнице, он сможет открыть ей глаза на произвол подданных. Он надеялся, что непосредственным обращением к Екатерине даст справедливое разрешение многим судебным делам. Гавриил Романович, например, представил ей одно из самых запутанных дел того времени, которое привезли из Сибири на трех доверху нагруженных подводах. Неумеренная ревность секретаря-обличителя пришлась не по нраву государыне, и вскоре он был переведен в Сенат.

Александр I, не желая сносить поучения Державина, удалил его с поста министра юстиции в отставку. При этом он упрекнул его словами: «Ты, Гавриил Романович, слишком ревностно служишь». С того дня уставший от дворцовой суеты, безуспешного противостоя-

ния неправде, стареющий поэт обрел утешение в уединенном общении с Богом и русской природой.

Желание в горня

О коль возлюбленно селенье
Твое мне, Боже, Боже сил!
Душа в восторге, в умиленье
На пламенном пареньи крил

К Тебе моя летит, стремится
И жаждет Твой узреть чертог:
А плоть и сердце веселится,
Что царствует мой в небе Бог!

Как голубь храмину находит,
И ласточка гнездо себе,
И в нем птенцов себе выводит:
Так я найду покой в Тебе.

Блажен, в дому Твоем живущий
И восхваляющий Тебя,
Защитником Тебя имущий
В невинном сердце у себя!

Услышь, услышь мое моленье,
О Боже сил, миров Господь!
Внуши сердечное прощенье
И призри на меня с высот.

Един даешь все блага смертным,
Великолепье, славу, Ты!
Не оставляешь неприметным
Ты и меня в моем пути.

Переживши немало разочарований и огорчений, он последние годы провел в своем новгородском имении. Деревенское уединение способствовало душевному покою, творчеству, молитвам и думам о скоротечности и бренности жизни. Сам он всегда старался прожить ее по-Божьи.

Незадолго до смерти слабеющей рукой он начертил мелом на грифельной доске строки своего последнего стихотворения:

«Река времен в своем теченьи

Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы»

Василий Андреевич Жуковский **(1783–1852)**

В русской литературе вряд ли найдется подобная Жуковскому личность, в которой христианин так ярко просиял бы в поэте. По свидетельству современников, он целостно соединил в себе смиренномудрие, душевную чистоту и деятельную любовь к ближнему. Ему принадлежат слова: «Бог есть положительное добро, положительная правда, положительная истина, положительная красота; все противоречащее добру, правде, истине, красоте есть отрицание Бога... Что есть назначение человека на земле? В одном слове: восстановление павшего в нем образа Божьего...»

С самого появления на свет, он, казалось, был обречен на неизбежную приниженность своего положения. Дело в том, что Жуковский являлся незаконнорожденным сыном орловского дворянина Бунина и пленной турчанки Сальхи. Однако, по воле Неба, он сделался не просто поэтом первой величины, но другом и благодетелем многих поэтов пушкинского окружения. Наделенный умом и светлостью, Василий Андреевич удостоился стать воспитателем наследника престола, будущего царя-освободителя Александра II. Душевная открытость и добродетельность характера дались ему

солёным потом терпеливого христианского самосовершенствования. В итоге почти все, знавшие поэта, могли сказать о нем словами апостола: «Вера содействовала делам его и делами вера достигла совершенства» (Иак.2:22).

«Господь! Господь!
В беде моей жестокой
На небеса Твои с надеждой, с верой
В тоске, в слезах я душу посылаю!
Всесилен Ты – тончайшей паутине
Тебе легко дать крепость твердой стали;
Всесилен Ты – тройным железным узам
Тебе легко дать брэнность паутины...»

В любых жизненных ситуациях он отдавал предпочтение не своим личным интересам, а воле Божьей. Глубокое, всезахватывающее чувство молодого Жуковского к Маше Протасовой натолкнулось на решительный отказ ее матери. Долгие годы он жил надеждой и что только не предпринимал ради этого брака. В конце концов, они с Машей решились покориться. Жуковский вспоминал: «Та минута, в которую я для этой цели решил пожертвовать собой, была восхитительна...»

Мой друг бесценный, будь спокойна!
Да будущего мрак – тебя не устршит!
Душа твоя чиста! Ты счастья достойна!
Тебя Всевышний наградит!

Пережив ее замужество, а затем и раннюю смерть, он будет неустанно заботиться о ее дочери. До конца дней его не оставляла печаль молитвенного воспомина-

ния о своей возлюбленной. Когда выходила замуж сестра Маши Александра (прототип его Людмилы), Жуковский в приданое бедной невесте продал свое имение, доставшееся ему в наследство от крестного отца и составлявшее все его богатство. После смерти Александры, когда Жуковский намеревался создать собственную семью, он продает другое имение, купленное ему книгопродавцем Поповым. Вырученную сумму он разделил между тремя дочерьми покойной.

Жуковского справедливо называют ангелом-хранителем русской литературы. Благодаря его хлопотам был возвращен из ссылки Пушкин. Баратынский обрел утраченную по юношеской провинности гражданскую дееспособность. Заступничеством Жуковского была облегчена участь Герцена, чего государь Николай I долго не мог простить ему. За деньги от продажи своего портрета работы Брюллова им был выкуплен из крепостной неволи Тарас Шевченко. Надо заметить, что сам Жуковский за сорок лет до официального освобождения крестьян дал вольную крепостным, купленным для него вышеупомянутым Поповым. Он делает все возможное для освобождения от рабства поэта Сибирякова, крепостного архитектора демидовских заводов Швецова, матери и брата литератора Никитенко. Приближенный к царскому двору, Жуковский не сделался придворным лизоблюдом и угодником, — жертвуя собственным благом, он часто идет на все в желании помочь другим.

Взгляд на природу и назначение искусства воедино связан у него с его христианским мирозерцанием. Красоту он определяет как «видение и слышание Бога в творении».

Чист душой ты был вчера,
Ныне действуешь прекрасно,
И от завтра жди добра:
Бывшим будущее ясно.

Будь не солнечен наш глаз –
Кто бы солнцем любовался?
Не живи Дух Божий в нас –
Кто б Божественным пленялся?

В одном из стихотворений он дает удивительное по образности определение поэзии:

«Будь тверд, душою не дремли!
Поэзия есть Бог в святых мечтах земли!»

Фёдор Иванович Тютчев, с которым поэта связывала многолетняя дружба, посвятил ему стихи, запечатлевшие отличительные черты его натуры и дарования.

Памяти В. А. Жуковского

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья –
Он все в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
... Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости змеиной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало Божество:
«Лишь сердцем чистые – те узрят Бога!»

Сам Василий Андреевич часто повторял: «Всё в жизни – к прекрасному средство». Оттого-то и сама жизнь виделась ему как возможность через веру приблизиться к Богу и в конце земного пути соединиться с Ним.

К К.М. Соковниной

Протекших радостей уже не возратить;
Но в самой скорби есть для сердца наслажденье.
Ужели всё мечта? Напрасно ль слезы лить?
Ужели наша жизнь есть только привиденье,
И трудная стезя к ничтожеству ведет?

Ах! нет, мой милый друг, не будем безнадежны;
Есть пристань верная, есть берег безмятежный;
Там всё погибшее пред нами оживет;
Незримая рука, простертая над нами,
Ведет нас к одному различными путями...

Поэт не так часто обращается к образам или мотивам Священного Писания. Между тем, дух Евангелия присущ всему его творчеству и составляет его религиозно-нравственную основу. Нетрудно узнать существенные черты поэзии Жуковского в той характеристике, которую он относит к романтической поэзии в целом: «...

христианство открыло нам глубину нашей души, увлекло нас в духовное созерцание, соединило с миром внешним мир таинственный, усилило в нас все душевное — это отразилось в жизни действительной; чувства сделались глубже, геройство сделалось рыцарством, любовь самоотвержением; все обрело характер возвышенной духовности».

Stabat Mater

Горько плача и рыдая,
Предстояла в сокрушеньи
Матерь Сыну на кресте,
Душу, полную любви,
Сожаленья, состраданья,
Растерзал Ей острый меч.
Как печально, как прискорбно
Ты смотрела, Пресвятая
Богоматерь, на Христа!
Как молилась, как рыдала,
Как терзалась, видя муки
Сына — Бога Твоего!
Кто из нас не возрыдает,
Зря святую Матерь Бога
В сокрушении таком?
Кто души в слезах не выльет,
Видя, как над Богом-Сыном
Безотрадно плачет Мать;
Видя, как за нас Спаситель
Отдаёт Себя на муку,
На позор, на казнь, на смерть;
Видя, как в тоске последней
Он, хладея, умирая,
Дух Свой Богу предает?

О Святая! Мать любви!
Влей мне в душу силу скорби,
 Чтоб с Тобой я плакать мог!
Дай, чтоб я горел любовью –
Весь проникнут верой сладкой –
 К искупившему меня;
Дай, чтоб в сердце смерть Христову,
И позор Его, и муки
 Неизменно я носил;
Чтоб, во дни земной печали,
Под крестом моим утешен
 Был любовью ко Христу;
Чтоб кончину мирно встретил,
Чтоб душе моей Спаситель
 Славу рая отворил!

Корнилию сотнику было виденье,
К Петру он отправил гонцов,
И Божий Апостол с друзьями своими
Не медля явился на зов.

Корнилий просил, чтобы в вере наставил
Апостол его самого
И всех домочадцев. И Пётр, помоляся,
Исполнил желанье его.

В речах вдохновенных поведал он людям
О Царстве великом Христа
Отверзшего смертным, заблудшим и слабым
Спасенья святые врата

Вещал он, что люди пред Господом – братья,
Что Он, искупающий грех,
За них претерпевший позор и распятие –
Единый и Вечный для всех!

И люди внимали, и в сердце глубоко
Проник им священный глагол;
На всех, кто уверовал в Промысел Божий –
Божественный Дух снизошёл.

Савл по дороге в Дамаск

На ланитах рдеет краска,
Грозный взор, суровый вид...
Савл разгневанный спешит
К стенам ближнего Дамаска.

Всем живущим о Христе –
Всем готовит он гоненье,
Бичеванье, поношенье,
Ужас смерти на кресте...

Но, лелея неустанно
В сердце гибель христиан,
На пути он был неожиданно
Дивным светом осиян!

И упал он, ослепленный,
И послышался над ним
Глас Господень: «Савле, Савле!
Я за что тобой гоним?»

Трепет чувствуя чудесный,
Отвечал он: «Кто же Ты?»

«Иисус – Кого ты гонишь!» –
Прозвучало с высоты.

«Что мне делать?» – спросил он,
Вещим ужасом объят.
И ответ раздался свыше:
«Встань! Гряди в ближайший град!

Там получишь ты прозренья,
Там познаешь ты Христа,
Изрекут Ему моления
Богохульные уста...»

И свершилось! И гонитель
Неустанный христиан
Стал ревнителем Христовым
Светом правды осиян.

Умер Савл: Апостол Павел
Появился меж людей
И Всевышнего прославил
Всею жизнью своей.

Теснятся все к Тебе во храм,
И все с коленопреклоненьем
Тебе приносят фимиам,
Тебя гремящим славят пеньем;

Я одинок в углу стою,
Как жизнью, полон я Тобою,
И жертву тайную мою
Я приношу Тебе душою.

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Духовная и жизненная емкость евангельской притчи о блудном сыне во многом приложима к судьбе нашего национального гения. Данный ему свыше редкий поэтический дар в годы юности он обращал к темам не всегда достойным. Душевная пылкость и чувственность не позволяли ему провидеть духовные реалии, менее всего зримые в эту пору человеческой жизни. Трудно чем-то другим объяснить школярские богохульные дерзости молодого поэта. К сожалению, именно они стали причиной его ссылки и последующих житейских стеснений.

Позднее сам он с удивительной образностью и лаконизмом выразил бессилие человека, не способного без Бога противостоять неотразимому искушению греха.

«Напрасно я бегу к Сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий»

С годами по мере своего приближения к Богу он восклицал: «Стократ блажен, кто предан вере!...» Врачующая сила времени, внутренняя предрасположенность

к правде привнесли в его творчество духовную просветленность. Сам он сознавал, что его вдохновение питаемо из Божественного источника любви, добра и красоты: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...»

По сути, душевное обаяние всякого человека есть зримое отражение отсвета небесной красоты, способной преобразить нас.

Мадонна

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш Божественный Спаситель –

Она с величием, Он с разумом в очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

В последние годы в духовно неустроенной жизни поэта усиливается и возрастает влечение к религиозному утешению.

«Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит

Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь – как раз – умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег»

Перед кончиной Пушкин исповедался, причастился, благословил жену и детей. О его внутреннем просветлении свидетельствует тот факт, что он простил Дантеса, который стал причиной семейного позора и трагической гибели поэта.

Религиозный философ И. А. Ильин не без оснований называл Пушкина «поэтом-богоносцем». Прежде всего, об этом говорит его жизненный путь, путь блудного сына, покаянно возвратившегося к Всеблагому Отцу. К тому же, творческое наследие Пушкина проникнуто ценностями веры в ее православном облики.

Известно, что Небесным покровителем поэта был благоверный князь Александр Невский, его предок в 21-м колене. В 1826 году мать поэта, Надежда Осиповна, неспроста обратилась к государю Николаю I с прошением за опального сына 12 сентября. Именно в этот день Церковь чтит память святого благоверного князя.

Стремление осмыслить такие понятия, как вера и безверие, сделалось темой стихотворения, представленного на завершающем экзамене в Царскосельском лицее.

Мало кто знает о том, что род Пушкиных хранил из поколения в поколение, передавал от отца к сыну частицу Ризы Господней. Александр Сергеевич на смертном одре просил жену соблюсти этот обычай и пере-

дать святыню старшему сыну Александру.

Много лет поэт пытался отыскать икону святых апостолов Петра и Павла. Она была дорога ему тем, что в свое время император Петр I благословил этим образом своего крестника Ибрагима Ганнибала. Заметим, что детей своих Пушкин воспитывал на сюжетах и истинах из Библии, которую он считал главной книгой человечества. Приводим его собственные слова: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием,— и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие».

Князь П. А. Вяземский, друг поэта, писал: «Пушкин постоянно и настойчиво указывал мне на недостаточное мое знакомство с текстами Священного Писания и убедительно настаивал на чтении книг Ветхого и Нового Завета, называя их «ключом живой воды». Вяземский утверждал, что «Пушкин никогда не был вольнодумцем, по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей: напротив, он имел сильное религиозное чувство, читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил...»

П. В. Анненков вспоминает: «В конце своей жизни Пушкин был проникнут весьма живым и трепетным религиозным чувством».

Ф.М. Достоевский в речи на открытии памятника Пушкину в Москве (1880) назвал его поэтом «национально-всемирным». Он заявил, что в его поэзии выразилась русская народность, способная отозваться на духовную жизнь любого другого народа. Именно русскому человеку свойственно стремление к «всемирности и всечеловечности».

Ниже предлагаем небольшую композицию «Возвращение блудного сына», основанную на стихах поэта.

Через детство каждого русского человека прошли удивительные поэтические переложения Пушкиным народных сказок. Они открылись его впечатлительной детской душе, прежде всего, через няню Арину Родионовну. Взрослея и старея, мы не устаем поражаться их прелести. Кроме сказок, по школьной программе мы познакомились с теми из его стихов, которые можно назвать хрестоматийными. Между тем, в наследии поэта есть стихи, которые открывают его как человека верующего, православного. Их неподдельная искренность убеждает в подлинности его веры.

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека, –
Залог величия его.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва;
Без них нам тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без Божества.

Вере в Бога неизменно предшествует поиск смысла жизни: откуда я пришел, зачем я живу, что ожидает меня после смерти? Для неверующего жизнь начинается с колыбели и заканчивается могилой. При таком подходе жизнь делается самоцелью. Зачастую это приводит к тому, что люди стремятся взять от нее все возможное, прожигая годы в пламени греховных страстей и удовольствий. На самом деле, жизнь есть дар Божий, которую следует употребить для служения Богу и ближнему. Поступая так, мы готовим свою душу к жизни вечной.

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды –
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю; прости!

Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Безверие нередко повергает нас в уныние и отчаяние. Земное бытие, исполненное тревог, страданий и лишений, начинает тяготить и мучить. Нечто похожее не однажды переживал и Пушкин.

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Митрополит Московский Филарет, современник поэта, ответил ему строками, проникнутыми иным, светлым и обнадеживающим, пониманием жизни.

**Ответ Пушкину
митрополита Московского Филарета**

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана...
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена...

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал...
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум –
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум!

Отклик святителя был для Александра Сергеевича дорог и духовно значим. Ведь в глубине души каж-

дый тянется к Богу и нуждается в Нем. Пушкин не раз переживал подобное чувство ностальгии по душевному покою и всецелой посвященности Господу.

Монастырь на Казбеке

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, вожденный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

Ответ святителю Филарету, духовному наставнику Пушкина, наполнен слезным покаянием и желанием служить своей лирой высокому, чистому, святому.

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей

Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

Благодать, получаемая нами от Бога, чаще всего проявляется в чарующем сиянии красоты, которая указывает на сокровенное присутствие доброты. Это равно относится к Богу, ангелам и людям. Красота эта воистину способна тронуть окаменелое человеческое бесчувствие и вызвать отклик умиления и преклонения.

Ангел

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, — он рек, — тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:

Не все я в небе ненавидел,
Не все я в мире презирал».

Все мы замечали, что на свету видны самые мелкие морщинки на лице, пятнышки на одежде. Подобно этому, приближаясь к осиянной святости Божией, мы бываем мучимы совестью за все недостойное и бесчестное. Для того чтобы очиститься душой и соединиться со святым Богом, каждому из нас необходимо переступить через порог, который именуется раскаянием.

Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Искренне и слезно повинившись перед Господом, мы пытаемся начать новую жизнь, но полагаемся при этом на свои слабые силы. При этом забываем, что сами по себе без помощи свыше мы не способны противо-

стоять соблазнам. Только признав свое бессилие и вызывая к Богу о помощи, мы сможем устоять в искушениях.

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

У людей веры есть благословенная возможность обращаться к Богу в молитве. В словах молитвы мы благодарим Спасителя, просим у него прощения и помощи. Как признавался сам Пушкин, ему особенно была дорога молитва св. Ефрема Сирина, которая читается во время Великого Поста.

Господи и Владыко живота моего!
Дух праздности, уныния, любоначалаия
и празднословия не даждь ми.
Дух же целомудрия, смиренномудрия,
терпения и любви даруй ми, рабу Твоему.
Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя
прегрешения и не осуждати брата моего,
яко благословен еси во веки веков
Аминь.

В поэтическом переложении Пушкина мы видим предельную приближенность к оригиналу по глубине и выразительности чувствования.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;

Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Все чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Вера, Надежда и Любовь способны преобразить нас, изменить к лучшему всё существо, наполнить жизнь милосердием и правдой. С удивительной поэтической выразительностью поэт сказал об этом в своем «Пророке». Библейской основой стихотворения явился рассказ о призвании Богом пророка Исаяи, которому с того часа надлежало возвещать людям глаголы правды и жизни вечной. В Библии мы читаем: «... В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы... И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами... Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня».

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрья змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угля, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

В своем итоговом стихотворении «Памятник» Пуш-

кин выразил духовное и поэтическое кредо, которое, в конечном счете, позволило ему исполнить Богом данное предназначение.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

Прижизненные и посмертные отзывы о Лермонтове ошеломляют своей противоречивостью. Но сама эта разноголосица говорит о натуре многогранной, затаенно-глубокой, не вмещавшейся в рамки однозначных оценок.

И действительно, с одной стороны, поэтический талант Лермонтова – это тончайший и совершеннейший инструмент природы, нервная ткань которого улавливала сокрытые для других блики, звуки, чувствования; через душу поэта проходили образы и ощущения духовно провидческой силы, одарившие потомков открытием как бы вновь увиденной красоты земли и Неба.

С другой стороны, с Лермонтовым в русскую литературу вошло болезненно-обостренное начало скепсиса и отрицания. Оно уводило поэта от религиозного всепримирения, обрекая его на душевное неустройство и одиночество. Отсюда интонации разочарования, отчужденности, бесцельности жизни. Лермонтов был первым русским писателем, указавшим на разрушительную пагубу безверия. Впоследствии Достоевский пророчески предсказал, что безверие станет роковой неизбежностью для России, но продержится недолго.

Далеко не однозначен Лермонтов как человек. Когда в январе 1837 года его стихотворение «Смерть поэта»

переписывалось и расходилось по всему Петербургу, он был посажен на гауптвахту. Белинский, посетивши его там, под впечатлением от общения писал: «... Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чистопосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого!» Близко знавшие поэта смогли разглядеть за личиной вызывающей независимости, холодности, едкой иронии благородную чистоту одинокой непонятой души.

Другие много говорят о его колкой насмешливости, отталкивающей угрюмости, неспособности на глубокие суждения и дружеские привязанности. Словом, всякий видел в поэте то, что мог увидеть.

Раздвоенность личности, мучительный самоанализ, стремление казаться кем угодно, только не самим собой, чтобы нечаянно вдруг не открыть для чужого взора самое ранимое – беззащитную в своей красоте душу – в этом весь Лермонтов!

Е. А. Евтушенко в своей «Молитве перед поэмой» обращается к нему со словами:

«Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд,
Твоей презрительности яд
И келью замкнутой души
Где дышит, скрытая в тиши,
Недоброты твоей сестра –
Лампада тайного добра»

Вот, что говорит поэт сам о себе словами Печорина: «Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? Для какой цели я родился? А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы

необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманкой страстей пустых и неблагодарных...»

Но самое страшное, что эта жизнь оборвалась, еще не начавшись как жизнь вечная...

Из поэмы «Демон»

I

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья.
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы!

II

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,

Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья –
И зло наскучило ему...

Пророк

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи;

Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Плачь! Плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет –
И будет мрак в земном краю...

Когда надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданьем искупить;

Когда бывшее ежечасно
Очам являлося моим
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалось мне чужим;

Тогда молитвой безрассудной
Я долго Богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь?» – Он вещал;

«Ты жить устал? – но Я ль виновен;
Смири страстей своих порыв;
Будь как другие хладнокровен,
Будь как другие терпелив.

Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! где посох твой дорожный?
Возьми его, пускайся в даль;

Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй.

Когда тебя во имя Бога
Кто пригласит на пир простой,
Страшися мирного порога
Коснуться грешною ногой»

Молитва

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя,
За то, что в заблужденьи бродит
Мой ум далеко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клоочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;

За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костёр,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращусь.

Покаяние

Если дух твой изнемог,
И в сердечном покаяньи
Излиешь свои страданьи:
Грех простит великий Бог!..
Если таешь ты в страданье,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаянье:
Не простит великий Бог!..

Молитва

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в мире безродного;

Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную -
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Ангел

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Когда б в покорности незнания
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, –
Она в душе, где все земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он,—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,—
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Иван Иванович Козлов (1779–1840)

Жизненный путь обаятельнейшего русского поэта Ивана Ивановича Козлова подтверждает евангельскую истину, что страдания нередко посылаются нам во спасение. Принадлежа по рождению к высшей московской знати, наделенный от природы умом и видной наружностью, разносторонне образованный, он быстро и легко восходил по лестнице чинов и отличий. Имея блестящее положение в обществе, будущий поэт, может быть, никогда бы не пережил того обращения к вере и творчеству, не случись несчастья, перевернувшего его жизнь.

В 1818 году паралич лишил его ног. Вскоре он стал слабеть глазами и через три года ослеп совершенно. Потеря ног и зрения, поразившие Козлова в зените жизни, сделались роковым крушением его надежд и устремлений. Но вместе с тем промысел Божий обратил душу его к непреходящим ценностям. Вот как свидетельствует об удивительной выдержке Козлова в то черное для него время его преданный друг В. А. Жуковский: «Глубоко проникнутый смирением христианским, он переносил свою участь с терпением удивительным, и Божий промысел, пославший ему тяжкие испытания, даровал ему в то же время великую отраду: поразив его болезнью, разлучившей его навсегда с внешним миром

и со всеми его радостями, столь нам изменяющими, Он открыл помраченному взору его весь внутренний, разнообразный и изменчивый мир поэзии, озаренный верою, очищенный страданием».

От Василия Андреевича мы узнаем, что Козлов не впал в безнадежность, не похоронил себя как личность: за годы слепоты он овладел еще тремя языками, помимо французского и итальянского, которые знал с детства. Обладая феноменальной памятью, поэт читал наизусть всего Байрона, поэмы Вальтера Скотта, лучшие места из Данте. Но наибольшее утешение он получал из молитв и Евангелия, которые знал на память. Именно они дали ему силы и терпения превозмочь 20 лет слепоты и телесной неподвижности.

«... Не страшны мне мои страданья:
Они залог любви святой;
Но дай, чтоб пламенной душой
Я мог лить слезы покаянья.

Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жар священный,
Дай Иоанна чистоту;

Дай мне донести венец мой тленный
Под игом тяжкого креста
К ногам Спасителя Христа»

Скрытая поэтичность его природы, ранее заглушаемая житейской суетой, заявила о себе в утешительной отраде слов и слез, согретых верой. Стихи он диктовал дочери. Первое стихотворение было опубликовано в 1821 году. В тот год он вконец ослеп, утратив возмож-

ность радоваться красоте мира. Строки эти были адресованы Жуковскому:

«О, друг! Поверь, Единый Бог,
В судьбах своих непостижимый,
Лишь Он, Всесильный, мне помог
Стерпеть удар сей нестерпимый!..»

Из стихотворения, посвященному Жуковскому:

Уже бьет полночь – Новый год,–
И я тревожною душою
Молю Подателя щедрот,
Чтоб Он хранил меня с женою,
С детьми моими – и с тобою,
Чтоб мне в тиши мой век прожить,
Всё тех же, так же всё любить.

Молю Творца, чтоб дал мне вновь
В печали твердость с умилением,
Чтобы молитва, чтоб любовь
Всегда мне были утешеньем,
Чтоб я встречался с вдохновеньем,
Чтоб сердцем я не остывал,
Чтоб думал, чувствовал, мечтал.

Моя молитва

(отрывок)

О Ты, кого хвалить не смею,
Творец всего, Спаситель мой;
Но Ты, к кому я пламенею
Моим всем сердцем, всей душой!

Кто, по Своей небесной воле,
Грехи любовью превозмог,
Приник страдальцев к бедной доле,
Кто друг и брат, Отец и Бог;

Кто солнца яркими лучами
Сияет мне в красе денной
И огнезвездными зарями
Всегда горит в тиши ночной;
Крушитель зла, судья верховный,
Кто нас спасает от сетей
И ставит против тьмы греховной
Всю бездну благодати своей!

Услышь, Христос, мое моление,
Мой дух собою озари
И сердца бурного волнение,
Как зыбь морскую, умири;
Прими меня в свою обитель,—
Я блудный сын,— Ты отче мой;
И, как над Лазарем, Спаситель,
О, прослезися надо мной!

Меня не крест мой ужасает,—
Страданье верою цветет,
Сам Бог кресты нам посылает,
А крест наш Бога нам дает;
Тебе вослед идти готовый,
Молю, чтоб дух мой подкрепил,
Хочу носить венец терновый,—
Ты Сам, Христос, его носил...

Молитва

Прости мне, Боже, прегрешенья
И дух мой томный обнови,
Дай мне терпеть мои мученья
В надежде, вере и любви.

Не страшны мне мои страданья:
Они залог любви святой;
Но дай, чтоб пламенной душой
Я мог лить слезы покаянья.

Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жар священный,
Дай Иоанна чистоту;

Дай мне донести венец мой тленный
Под игом тяжкого креста
К ногам Спасителя Христа.

Где сердце любит, где страдает,
И милосердный Бог наш там:
Он крест дает, и Он же нам
В кресте надежду посылает.

«Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая»

(отрывок из поэмы)

... Так Бог велел; пред ним смирись,
Прими с любовью крест тяжелый,
Терпи, надейся и молись;
Он Сам носил венец терновый;

Не унывай, не смей роптать,
Терпи – в страданьи благодать!

... Не бойся воли дать слезам;
Но только, слезы проливая,
Стреми взор грустный к небесам;
Кто плачет здесь, утешен там,
Сказал Господь.

...«Кто хочет царствия Христова,
Блаженства отрекись земного,
И чрез долину слез и бед
С крестом гряди Ему вослед!»...

Евгений Абрамович Баратынский **(1800–1844)**

Элегически раздумчивой лире Баратынского присуща напряженность пытливой мысли. Стихи, обличенные в притягательно-безыскусную форму, сделали его одним из самых читаемых поэтов как при жизни, так и у будущих поколений. С детства и до ранней молодости его внутренний мир был проникнут стремлением к идеальному и благородному. Однако, юношеская одержимость и неопытность стали причиной жизненной драмы, которая в конечном счете открыла ему глаза на многое и приблизила к Богу.

Вырос Баратынский в богатой аристократической семье. Его отец при Павле I сделал головокружительную карьеру от поручика до генерал-лейтенанта. Мать, женщина во всех смыслах замечательная, до замужества была любимой фрейлиной императрицы. Будущий поэт воспринял от нее искреннюю религиозность и получил прекрасное домашнее образование.

В 12 лет мальчика отдали в Пажеский корпус. Именно там суждено было разыгаться драме, последствия которой во многом предопределили его дальнейшую жизнь. Под влиянием сверстников он увлекся Вольтером и французскими энциклопеди-

стами. Книги вольнодумцев сказались на его умозрениях: у него развился холодный рационализм и религиозный скепсис. Они-то постепенно и подточили в нем живую веру, которой присуще сознание милующего или наказующего всеприсутствия Божия. Последствия таких увлечений не примянули сказать: внутренняя тревога, не оставлявшая его мятущуюся душу, нашла выход в общении с теми из сотоварищей, которые были в глазах воспитателей отнюдь не на лучшем счету. Начавши с юношеских шалостей, Баратынский кончил тем, что был уличен в воровстве денег из секретера в доме своего однокашника. Последний уже не однажды потягивал оттуда ассигнации для компанейских увеселений, которые устраивались на чердаке пажеского корпуса. Дело открылось и дошло до государя, Баратынского немедленно исключили. Через несколько дней последовало распоряжение от лица государя, запрещающее принимать Баратынского на государственную службу. В тот момент будущему поэту исполнилось всего 16 лет.

Случившееся так потрясло его, что он слег в нервной горячке и первое время был близок к самоубийству. Только трогательное, всепрощающее понимание родных, прежде всего матери, спасло его.

Испив горькие последствия нарушения заповеди, Баратынский начинает видеть в нравственности высшую ценность и мерило жизни. Испытание несчастьем и пережитый им позор заставили его истово уверовать в добродетель. Однако образ Христа, как воплощение нравственного совершенства, пока еще только брезжил в его философских представлениях о природе морали.

Общение с Жуковским и Гнедичем привело его к признанию предназначения поэзии, как духовно-

нравственного делания. В эту пору Баратынский находил в красоте искусства правду и гармонию, которых не мог найти в жизни. Он видел в поэзии не честолюбивое самовыражение, а созидательную творческую силу, способную преобразить мир с его несовершенствами и приверженностью ко злу.

Неустанная работа мысли и запросы сердца должны были с неизбежностью привести его ко Христу. Господь стал для поэта выражением разумной целесообразности бытия и воплощенной Красотой всего сущего.

Последние годы жизни Евгения Абрамовича сопровождались духовными исканиями и обретениями. Его жена, Анастасия Львовна, так писала в своих воспоминаниях: «Здесь, на Земле, он ценил только небесное счастье. Его религиозные верования отличались такой силой глубокого убеждения, что смерть представлялась ему лишенной зловещего образа. В последние годы он стремился к тому, чтобы и я веровала, как он».

Из-за преждевременной кончины, лишь в немногих стихотворениях поэта просиял свет Евангельской Истины.

На его надгробии в Александро-Невской Лавре выбиты строки, принадлежащие его перу:

«В смиренье сердца надо верить
И терпеливо ждать конца»

На посев леса

(отрывок)

... Велик Господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает Он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья...

Молитва

Царь Небес! Успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвенья пошли
И на строгий твой рай
Силы сердцу подай.

Из поэмы «Вера и безверие»

Я с умиленною душой
Красу творенья созерцаю.
От этих вод, лесов и гор
Я на эфирную обитель,
На небеса подьемлю взор
И думаю: велик Зиждитель,
Прекрасен мир!

... Есть бытие и за могилой,
Нам обещал его Творец.
Спокойны будем: нет сомненья,
Мы в жизнь другую перейдем,
Где нам не будет разлученья,
Где все земные опасенья
С земною пылью отряхнем.
Ах! как любить без этой веры.

Так, Всемогущий без нее
Нас искушал бы выше меры:
Так, есть другое бытие!
Ужели некогда погубит
Во мне Он то, что мыслит, любит.
Чем Он созданье довершил,
В чем, с горделивым наслажденьем,

Мир повторил Он отраженьем
И Сам Себя изобразил?
... Презренный властвует; достойный
Поник гонимую главой;
Несчастлив добрый, счастлив злой.

... Нет! мы в юдоли испытанья,
И есть обитель воздаянья
Там, за могильным рубежом,
Сияет день незаходимый,
И оправдается незримый
Пред нашим сердцем и умом.

Зачем в такие размышленья
Ты погружаешься душой?
Ужели нужны, милый мой,
Для убежденных убежденья?
Премудрость высшего творца
Не нам исследовать и мерить:
В смиренности сердца надо верить
И терпеливо ждать конца.

Приметы

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала,
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.

Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:
Ей исполинский вид дает твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою -
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.

Кольцо

Иди ж с надеждою веселой!
Творец тебя благослови
На подвиг долгий и тяжелый
Всепобеждающей любви.

Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873)

Яков Полонский в стихотворении «Памяти Ф. И. Тютчева» писал: «Оттого ль, что в божьем мире красота вечна, у него в душе витала вечная весна...» Мысль, глубина и поэтическая образность многих стихов поэта поражают своей впечатляющей силой. Вдохновение, их породившее, можно отнести единственно к небесному Дателю всякой возвышенной одухотворенности. Биография и душевный склад Федора Ивановича в значительной мере объясняют содержание его творчества. Возрастание в барской, по-московски хлебосольной семье одарило Тютчева не только отградным детством, но и основательным по тем временам образованием. Мать, Екатерина Львовна (урожденная Толстая), отличалась набожностью. В доме говорили в основном по-французски, но обычаи родной старины и церковные обряды хранили свято.

Воспитателем будущего поэта стал Семен Егорович Раич (Амфитеатров), знаток классической литературы, недавно закончивший семинарию. В. Я. Брюсов отмечал: «Его трогательное бескорыстие граничило с наивностью, его беспредельная преданность искусству могла многим показаться смешной».

Тютчев обязан своему учителю не только развитием выдающихся поэтических задатков, но и усвоением жи-

вотворной евангельской истины, которой была проникнута его мягкая обаятельная натура. В будущем известный поэт и издатель, Раич прожил жизнь, подобно птицам небесным: не заботясь о завтрашнем дне, поэтому старость встретил в большой бедности. Благодаря ему Тютчев настолько овладел античной поэзией, что в неполные 14 лет опубликовал перевод Горация. За это он был удостоен чести войти в число сотрудников Общества любителей российской словесности. Столь блистательное начало, казалось, обещало обильные публикации и скорую известность. Но литературный парадокс Тютчева состоял в том, что слава пришла к нему на склоне жизни. Сказалась непритязательная натура поэта: всю жизнь он писал в основном для себя. Его мощный дух, чуткий до самого затаенного в душе и природе, проникал в умопомрачающие глубины мироздания. Поэтический отклик поэта нуждался в запечатлении, как сухая земля в дождевой влаге. Каждое стихотворение похоже на высверк молнии, выхватывающий из тьмы поэтического небытия неповторимые образы и мысли. Многие стихи Тютчева удостоились называться шедеврами мировой лирики.

По словам Владимира Соловьева: «... сам Гёте не захватывал, быть может, так глубоко, как наш поэт, темный корень мирового бытия; не чувствовал так сильно и не признавал так ясно ту таинственную основу всякой жизни, природной и человеческой». Но при всей одаренности поэта до самой смерти сопровождало полное небрежение к славе. Стихи писались им где попало, на случайных клочках бумаги, нередко терявшихся. Сам он ровным счетом ничего не предпринимал для их публикации, в основном они расходились в списках. Во время 20-летней дипломатической службы в Германии первую подборку стихов переслал в пушкинский «Современник» его сослуживец – князь Га-

гарин. Восторженный почитатель поэзии Тютчева, он при посещении Петербурга изумился, что его совсем не знают на родине. Пушкин, оценивший восхитительную самобытность переданных стихов, разом опубликовал все 24 стихотворения,— случай небывалый в литературной практике.

Первый сборник Тютчева подготовил и издал в 1854 году И. С. Тургенев. Он, к удивлению многих, заявил, что Тютчев самый выдающийся из поэтов настоящего времени. Второй сборник вышел в 1868 году. Участие самого автора заключалось в том, что он не возражал против замышляемого издания. В. Я. Брюсов писал: «К рубежу 40–50-х гг. относится начало широкой известности Тютчева, которой он сам не искал, и которая пришла к нему как бы против его воли». Равнодушие поэта к славе может быть объяснимо обостренным сознанием тщеты и ничтожности всяких земных величаний. Душа-христианка уберегла его от подобных обольщений. По возвращении из-за границы в 1842 году, молва о нем, как о необыкновенном острослове и интереснейшем собеседнике, скоро облетела столицу. Петербургские салоны спешили наперебой заполучить к себе Тютчева. Его блестящие остроты, рожденные в захватывающих полемических импровизациях, передавались из уст в уста, облетая великосветские гостиные.

По воспоминаниям славянофила Ивана Аксакова: «Выдающейся преобладающей стихией Тютчева была мысль. Он не только никогда не знал пресыщения, но сытости никогда не давала ему никакая умственная трапеза».

Незадолго до смерти, разбитый параличом, Тютчев изумлял посещавших его ясностью ума и прежней притягательностью общения. В вере он находил утешение и целительную силу для мятежно-болезненного человеческого духа.

В одном из стихотворений Федор Иванович сравнивает свою душу, прозревшую через покаяние, с Марией Магдалиной, из которой Христос изгнал семь бесов. Преисполненная благодарности, грешница припадает к Его стопам и навсегда остается Его верной ученицей.

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги, –
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты жилица двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

Из Микеланджело

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать – удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божьим попушеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, –
Ты – лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение!

О, в этом испытаньи строгом,
В последней, в роковой борьбе,

Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...»

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые,—
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растрепанье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет,—
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

Умом — Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

В Риме

Средь Рима древнего сооружалось зданье –
То Нерон воздвигал дворец свой золотой;
Под самую дворца гранитною пятой
Былинка с кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе, знай это, царь земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя».
– Как, мне не уступить? Мир гнется подо мной. –
«Весь мир тебе слугой, а мне слугою – время».

При посылке нового завета

Не легкий жребий, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.

Ты билась с мужеством немногих,
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.

Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.

Но скудны все земные силы:
Рассвирепеет жизни зло –
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно тяжело.

Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомяни –
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, –
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть...
На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, –
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам,

Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега –
По ним проходит незаметно
Небесных Ангелов нога.

Когда на то нет Божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, –
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Не может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови.

Он милосердый, всемогущий,
Он греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.
И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.
И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,

Не все, что было здесь, пройдет!
Но этой веры *для немногих*
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,
Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца все претерпел.

Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит – и жизнь, как камней гряда,
Лежит на нас, – вдруг, знает Бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет –
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жаркой мостовой;

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,

На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освежит.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Алексей Константинович Толстой **(1817–1875)**

Поэтические наклонности сказались в нем очень рано. «С 6-летнего возраста начал я мараить бумагу и писать стихи – так поражено было мое воображение некоторыми из произведений наших лучших поэтов...».

Общая одаренность и природная восприимчивость ко всему утонченно-прекрасному давали о себе знать уже в детстве. Домашняя обстановка, где царил дух увлечения литературой и искусством, много тому способствовала. «Независимо от поэзии, я всегда испытывал неодолимое влечение к искусству вообще, во всех его проявлениях. Та или другая картина или статуя, или хорошая музыка, производили на меня такое впечатление, что у меня волосы буквально подымались на голове».

В 9 лет Толстой был представлен наследнику престола, будущему императору Александру II, который приходился ему ровесником. Мальчик был допущен в круг детей, составлявших его воскресное общество. Это имело немаловажное значение для последующей жизни поэта. Как вспоминал Алексей Константинович: «С того времени благосклонность его ко мне никогда не оставляла меня». Впоследствии, благодаря расположению государя, почести и звания буквально сыпались на

Толстого. Перед графом открывалась возможность блестящей придворной карьеры, но мягкая, добродетельная натура поэта была начисто лишена каких-либо честолюбивых помыслов. Его более влекло свободное и вдохновенное творчество. Потому-то он сознательно и постоянно уклонялся от заманчивых предложений.

По воцарении в 1856 году Александр II делает его своим флигель-адъютантом. Однако уже через некоторое время Толстой покорнейше просит об отставке, которая и была ему милостиво предоставлена. В уединении родового имения он всецело отдается творчеству. В одном из стихотворений, подводившем жизненные итоги, Толстой называет себя «певцом, державшим стяг во имя красоты».

Как писатель-идеалист, он постоянно подчеркивал духовную созидательную значимость подлинного искусства. Это обстоятельство не позволяла ему молчать по поводу вульгарно-прагматического понимания искусства в среде социалистов-демократов, наподобие Белинского и Писарева. В итоге он нажил себе множество недоброжелателей, которые не знали удержу в своих ругательно-разносных статьях. Напротив, с литераторами консервативно-православного крыла его связывали самые сердечные отношения. В своем неприятии куцых нигилистических воззрений, он не уставал обращаться ко всем русским писателям с призывом «дружно грести против течения!»

Стихи Толстого проникнуты светлой грустью и благодатным теплом веры.

Из поэмы «Иоанн Дамаскин»

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды!

Благословляю я свободу
И голубые небеса!

И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,

И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!

О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить!
О, если б мог в свои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!..

Как горней бури приближенье,
Как натиск пенящихся вод,
Теперь в груди моей растет
Святая сила вдохновенья.

Я зрю Его передо мною
С толпою бедных рыбаков;
Он тихо, мирною стезею,
Идет меж зреющих хлебов;

Благих речей своих отраду
В сердца простые Он лиет,
И правды алчущее стадо
К ее источнику ведет.

Зачем не в то рожден я время,
Когда меж нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Он шел на жизненном пути!

Зачем я не могу нести,
О, мой господь, твои оковы,
Твоим страданием страдать,
И крест на плечи Твой приять,
И на главу венец терновый!

О, если б мог я лобызать
Лишь край святой Твоей одежды,
Лишь пыльный след Твоих шагов,
О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покров!

Тебе хочу я все мышленья,
Тебе всех песней благодать,
И думы дня, и ночи бденья,
И сердца каждое биенье,
И душу всю мою отдать!

Не отвержайтесь для другого
Отныне, вещи уста!
Греми лишь именем Христа,
Мое восторженное слово!..

Из поэмы «Грешница»
Любовью к ближним пламенея,
Народ смиренью Он учил,
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил;

Не терпит гнева Он, ни мщенья,
Он проповедует прощенье,
Велит за зло платить добром;
Есть неземная сила в Нем,
Слепым Он возвращает зренье,
Дарит и крепость и движенье
Тому, кто был и слаб и хром;

Ему признания не надо,
Сердце мышление отперто,
Его пытающего взгляда
Еще не выдержал никто.

Целя недуг, врачуя муку,
Везде Спасителем Он был,
И всем простер благою руку,
И никого не осудил.

Едино, цельно, неделимо,
Полно созданья своего,
Над ним и в нём, невозмутимо,
Царит от века Божество,

Осуществилось в нём ясно,
Чего постичь не мог никто:
Несогласимое согласно,
С грядущим прошлое слито

Совместно творчество с покоем,
С невозмутимостью любовь,
И возникают вечным строем
Её созданья вновь и вновь.

... Цветами рдея полевыми,
Звуча в паденье светлых вод,
Она законами живыми
Во всём, что движется, живёт.

Всегда различна от вселенной,
Но вечно с ней съединена,
Она для сердца несомненна,
Она для разума темна.

Из поэмы «Иоанн Дамаскин»

... О, други, призраку не верьте!
Когда дохнет в неожиданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы все поляжем, как хлеба,
Серпом подрезанные в нивах, –
Прими усопшего раба,
Господь, в селениях счастливых!

Иду в незнаемый я путь,
Иду меж страха и надежды;
Мой взор угас, остыла грудь,
Не внемлет слух, сомкнуты вежды;
Лежу безгласен, недвижим,
Не слышу братского рыданья,
И от кадила синий дым
Не мне струит благоуханье;
Но вечным сном пока я сплю,
Моя любовь не умирает,
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к Господу взывает:
Господь! В тот день, когда труба
Вострубит мира преставленье, –

Прими усопшего раба
В твои блаженные селенья!

И вещим сердцем понял я,
Что все рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к Божью лону;
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.

Мадонна Рафаэля

Склоняся к юному Христу,
Его Мария осенила,
Любовь небесная затмила
Ее земную красоту.

А Он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед – и ясным оком
Голгофу видит пред собой.

Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893)

Древний боярский род Плещеевых уходит корнями во времена Ивана Калиты. Из него за всю беспокойную историю России вышло немало достославных мужей. Первым в их плееде значится святитель митрополит Московский Алексей, много потрудившийся для устроения Русской Церкви и избавления Отечества от ига татар. Завершить даровитое родовое древо удостоился Алексей Николаевич, христианин, поэт и благородной души человек.

В 40-е годы XIX века в среде так называемой передовой интеллигенции обозначился нездоровый интерес к запретному плоду социалистических идей. 20-летний отпрыск старой московской фамилии с головой окунулся в дела и речи политических протестантов. Став завсегдатаем кружков Петрашевского и Дурова, талант свой он употребил исключительно на злобу дня, не имевшую ничего общего с вечными темами поэзии.

Арест и привлечение по делу социалиста Петрашевского стоили Плещееву лишения всех прав и состояния. В итоге он был осужден на пятилетнюю службу рядовым в особом Оренбургском полку, размещенном в то-скливой степной глухомани.

Проведенные там годы отрезвляюще сказались на

мятежном поиске ума и во многом умудрили молодого бунтаря. Постепенно он окончательно разуверился в том, в чем раньше был безоглядно убежден. Как и его товарищ по несчастью Ф. М. Достоевский, Плещеев через страдания обрел те непреходящие идеалы, которым впоследствии никогда не изменял.

По возвращении из ссылки Плещеев продолжает печататься. Однако в стихах его нет прежнего горячего порыва, — они выстраданы, раздумчивы, осенены светлой грустью: в них много Неба. Назначение поэта Плещеев видит теперь в том, чтобы в стихах и в жизни оставаться верным Божьей Правде и деятельной любви к людям.

Благодаря изумительной доброте, в литературных кругах Плещеев сделался наставником и благодетелем для многих начинающих писателей. «Падре» (отец) — так называла его творческая молодежь, признательная ему за понимание и помощь. Между тем, до последних лет жизни признанному литератору, несмотря на трудолюбие, приходилось жить в бедности, едва сводя концы с концами. Однако всеобщая любовь и нимб кристальной честности стали достойным воздаянием поэту-идеалисту, как при жизни, так и после кончины.

Он шел безропотно тернистою дорогой,
Он встретил радостно и гибель и позор;
Уста, вещавшие ученье правды строгой,
Не изрекли толпе глумящейся укор.

Он шел безропотно и, на кресте распятый,
Народам завещал и братство и любовь;
За этот грешный мир, порока тьмой объятый,
За ближнего лилась Его святая кровь.

О дети слабые скептического века!
Иль вам не говорит могучий образ тот
О назначении великом человека
И волю спящую на подвиг не зовет?

О нет! не верю я. Не вовсе заглушили
В нас голос истины корысть и суета;
Еще настанет день... Вдохнет и жизнь и силу
В наш обветшалый мир учение Христа!

Молитва

О Боже мой, восстанови
Мой падший дух, мой дух унылый;
Я жажду веры и любви,
Для новых битв я жажду силы.

Запуган мраком ночи я,
И в нем я ощупью блуждаю;
Ищу в светильник свой огня,
Но где обрести его, не знаю.

В изнеможенья скорбный час
Простри спасительные руки,
Да упадет завеса с глаз,
Да прочь идут сомненья муки.

Внезапным светом озарен,
От лжи мой ум да отрешится
И вместе с сердцем да стремится
Постигнуть истины закон.

Услышь, о Боже, голос мой!
Да возлюбив всем сердцем брата,

Во тьме затерянной тропой
Пойду я вновь – и без возврата!

О нет, не всякому дано
Святое право обличенья!
Кто не взрастил в себе зерно
Любви живой и отреченья,
И бесполезно и смешно
На мир его ожесточенье.

Но если праведная речь
Из сердца чистого стремится,
Она разит, как Божий меч;
Дрожит, бледнеет и стыдится
Пред нею тот, кого обречь
Она проклятью не страшится.

... Нас к бездне привела
Стезя безверья и порока!
Рабам позорной лжи и зла
Пошли, пошли, Господь, пророка,
Чтоб речь его нам сердце жгла
И содрогнулись мы глубоко!

Перед тобой лежит широкий новый путь.
Прими же мой привет, не громкий, но сердечный;
Да будет, как была, твоя согрета грудь
Любовью к ближнему, любовью к правде вечной.

Да не утратишь ты в борьбе со злом упорной
Всего, чем нынче так душа твоя полна,

И веры и любви светильник животворный
Да не зальет в тебе житейская волна.

Подъяв чело, иди бестрепетной стопою;
Иди, храня в душе свой чистый идеал,
На слезы страждущих ответствуя слезою
И ободряя тех, в борьбе кто духом пал.

И если в старости, в раздумья час печальный,
Ты скажешь: в мире я оставил добрый след,
И встретить я могу спокойно миг прощальный,
Ты будешь счастлив, друг: иного счастья нет!

Зимний вечер

Хорошо вам, детки,—
Зимним вечерком
В комнатке уютной
Сели вы рядком,

Пламя от камина
Освещает вас...
Слушаете жадно
Мамы вы рассказ;

Радость, любопытство
На лице у всех;
Часто прерывает
Маму звонкий смех.

Вот рассказ окончен,
Все пустились в зал...
«Поиграй нам, мама»,—
Кто-то пропищал.

«Хоть уж девять било,
Отказать вам жаль...»
И послушно села
Мама за рояль.

И пошло веселье,
Началась возня,
Пляска, песни, хохот,
Визг и беготня!

Пусть гудит сердито
Вьюга под окном,
Хорошо вам, детки,
В гнездышке своем!

Но не всем такое
Счастье Бог дает;
Есть на свете много
Бедных и сирот.

У одних могила
Рано мать взяла;
У других нет в зиму
Теплого угла.

Если приведется
Встретить вам таких,
Вы как братьев, детки,
Приголубьте их.

Легенда

Был у Христа-младенца сад,
И много роз взрастил он в нем;

Он трижды в день их поливал,
Чтоб сплесть венок себе потом.

Когда же розы расцвели,
Детей еврейских созвал он;
Они сорвали по цветку,
И сад весь был опустошен.

«Как ты сплетишь теперь венок?
В твоём саду нет больше роз!»
– «Вы позабыли, что шипы
Остались мне», – сказал Христос.

И из шипов они сплели
Венок колючий для него,
И капли крови вместо роз
Чело украсили его.

Алексей Николаевич Апухтин (1840–1893)

Он входил в славную когорту поэтов «чистого искусства», украшенную именами Фета, Тютчева, Полонского и др. Его стихам свойственно светлое элегическое настроение; их мелодичность стала основанием для многочисленных романсовых переложений Рахманиновым, Чайковским, Аренским.

Творческая позиция Апухтина заключала в себе стойкое предубеждение против новомодного увлечения идеями утопического социализма. Это было время нигилистического возбуждения, отрицавшего все святое и дорогое русскому сердцу. Поношение Писаревым и Добролюбовым «чистого искусства» за отсутствие в нем утробно-гастрономической пользы, воспринималось Апухтиным, как дерзкие потуги «бесценный мрамор грязью забросать». Поэту были глубоко чужды крайние ригористические взгляды, которые, по его словам, «в грязи и лжи возникшему кумиру пожертвован везде искусства идеал».

Попытки ниспровержения нигилистами традиционных ценностей побуждали его к пламенной отповеди.

«Мне противно лгать и лицемерить,
Нестерпимо отрицаюем жить,
Я хочу во что-нибудь да верить,
Что-нибудь всем сердцем полюбить»

Многие годы своей жизни Алексей Николаевич пытался противостоять греху в самом себе. Душевное боление и терзание побуждали его подолгу жить в монастыре. Видимо, поэтому строки его стихов, обращенные ко Христу, «единому безгрешному из человеков», проникнуты чувством слезного покаяния.

Восторженный Канон Дамаскина

Восторженный канон Дамаскина
У всенощной сегодня пели,
И умилением душа была полна,
И чудные слова мне душу разогрели.

«Владыка в древности чудесно спас народ:
Он волны осушил морские»
О, верю, верю, Он и в наши дни придет
И чудеса свершит другие.

О, Боже, не народ – последний из людей
Зовет Тебя, тоскою смертной полный...
В моей душе бушуют также волны
Воспоминаний и страстей.

О, осуши же их Своей могучей дланью!
Как солнцем освети греховных мыслей тьму!
О, снизойди к ничтожному созданию,
О, помоги неверью моему!

Из Великого Канона

Помощник, Покровитель мой!
Явился Он ко мне, и я от мук избавлен,
Он Бог мой, славно Он прославлен,
И вознесу Его я скорбною душой.

С чего начну свои оплакивать деянья,
Какое положу начало для рыданья
О грешном, пройденном пути?
Но, Милосердый, Ты меня прости!

Душа несчастная! Как Ева,
Полна ты страха и стыда...
Зачем, зачем, коснувшись древа,
Вкусила ты безумного плода?

Адам достойно изгнан был из рая
За то, что заповедь одну не сохранил:
А я какую кару заслужил,
Твои веленья вечно нарушая?

От юности моей погрязнул я в страстях,
Богатство растерял, как жалкий расточитель,
Но не отринь меня, поверженного в прах,
Хоть при конце спаси меня, Спаситель!

Весь язвами и ранами покрыт,
Страдаю я невыносимо;
Увидевши меня, прошел священник мимо
И отвернулся, набожный левит...

Но Ты, извлекший мир из тьмы могильной,
О, сжался надо мной! – мой близится конец...
Как сына блудного прими меня, Отец!
Спаси, спаси меня, Всесильный!

Моление о чаше

В саду Гефсиманском стоял Он один,
Предсмертную мукой томимый.

Отцу Всеблагому в тоске нестерпимой
Молился страдающий Сын.

«Когда то возможно,
Пусть, Отче, минует Мя чаша сия,
Однако да сбудется воля Твоя...»
И шел Он к апостолам с думой тревожной,

Но, скованы тяжкой дремой,
Апостолы спали под тенью оливы,
И тихо сказал Он им: «Как не могли вы
Единого часа побдети со Мной?

Молитесь! Плоть немощна ваша!..»
И шел Он молиться опять:
«Но если не может Меня миновать –
Не пить чтоб ее – эта чаша,

Пусть будет, как хочешь Ты, Отче!» И вновь
Объял Его ужас смертельный,
И пот Его падал на землю как кровь,
И ждал Он в тоске беспредельной.

И снова к апостолам Он подходил,
Но спали апостолы сном непробудным,
И те же слова Он Отцу говорил,
И пал на лицо, и скорбел, и тужил,

Смущаясь в борении трудном!..
О, если б я мог
В саду Гефсиманском явиться с мольбами,
И видеть следы от Божественных ног,

И жгучими плакать слезами!
О, если б я мог
Упасть на холодный песок
И землю лобзать ту святую,
Где так одиноко страдала любовь,
Где пот от лица Его падал как кровь,
Где чашу Он ждал роковую!
О, если б в ту ночь кто-нибудь,
В ту страшную ночь искупленья,
Страдальцу в изнывшую грудь
Влил слово одно утешенья!
Но было все тихо во мраке ночном,
Но спали апостолы тягостным сном,
Забыв, что грозит им невзгода;
И в сад Гефсиманский с дрекольем, с мечом,
Влекомы Иудой, входили тайком
Несметные сонмы народа!

Голгофа

Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын Божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала Мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу. И тьма объяла землю.
И гром гремел, и, гласу гнева внемля,
Евреи в страхе пали ниц...
И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц,
И мертвые, восстав, явились живыми...
А между тем в далеком Риме
Надменный временщик безумно пировал,
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.

А между тем софист, на догматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья,
Являлся в сонмищах уныл и молчалив.
Народ блуждал во тьме порока,
Неслись стенания с земли.
Всё ждало истины...
И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли.
И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,
Они пришли – и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.
И нищий жизнь благословил,
И в запусении богатого обитель,
И в прахе идола, а в храмах Бога сил
Сияет на кресте голгофский Искупитель!

Жизнь

О жизнь! ты миг, но миг прекрасный,
Мне невозвратный, дорогой;
Равно счастливый и несчастный
Расстаться не хотят с тобой.

Ты миг, но данный нам от Бога
Не для того, чтобы роптать
На свой удел, свою дорогу
И дар бесценный проклинать.

Но чтобы жизнью наслаждаться,
Но чтобы ею дорожить,
Перед судьбой не преклоняться,
Молиться, веровать, любить.

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860)

Светлое имя Алексея Степановича Хомякова имеет общенациональную значимость благодаря его духовно-творческому наследию и жизни, украшенной деятельным благочестием. Без малого полтора века, минувшие со дня его кончины, стали для России временем демонического брожения умов, сокрушения вековых устоев и попрания святынь. Но, слава Богу, все закончилось разуверением в социальных утопиях и покаянным возвращением лучших сил нации к почве и корням православной традиции.

По убеждению Алексея Степановича, «личность, чтобы раскрыть себя в полноте и силе, должна быть связана с Церковью». «И разум, и совесть, и художественное творчество – вне Церкви реализуют себя частично, неполно»

В равной мере это можно отнести к личности самого Хомякова. Многообразные проявления его богатой натуры были, как обручем, объединены и скреплены той верою, которую он воспринял сызмальства и не изменял ей во всю свою жизнь. Всегда и повсюду он свидетельствовал, убеждал, спорил и отстаивал неизменно одно и то же, – выражаемое словами: Церковь, народ, Россия. У современников Хомякова вызывало

изумление его духовное постоянство. Вот что пишет Н. А. Бердяев: «Хомяков родился на свет божий религиозно готовым, церковным, твердым; в нем не произошло никакого переворота, никакого изменения и никакой измены».

Во многом душевная чистота и целостность его личности определялись семейным бытом и воспитанием. Мать, Мария Алексеевна, урожденная Киреевская, была известна на всю Москву как ревнительница всего исконного, русского, православного. Сам он признавал, что ей он обязан своей религиозностью и нравственным становлением. Несомненно, сказалось и благоговейное почитание всего досточтимого, чем была богата история их рода. Так, в частности, прадед его, Федор Степанович Хомяков, по причине уважения и благорасположения к нему крестьянского схода сделался владельцем тульских имений.

Достоинства домашнего образования, детские впечатления от круговорота церковных праздников, служб, говений – все это удерживало интересы и увлечения мальчика в русле традиционного уклада.

По-юношески горячий отклик на антитурецкое восстание православных греков, сочувствие к тяжелой участи южных славян выразились в готовности покинуть родительский дом и сражаться за братьев по вере. Военную службу он начал 18-летним юнкером в лейб-гвардии конного полка. Но лишь несколько лет спустя по выходу в отставку добровольцем принял участие в боевых действиях в Балканской войне 1828–1829 гг. За героизм и доблесть был удостоен нескольких наград.

Счастливым браком с Екатериной Михайловной Языковой и рождение девятерых детей одарили Хомякова

радостями и горестями семейной жизни. Семья дала Алексею Степановичу сокровенный опыт соборности, которая мыслилась им как единение любви в лоне церкви, нации, семьи. «Не верю я любви к народу того,— говорил он,— кто чужд семье. Нет любви к человечеству в том, кто чужд народу».

По-детски искренне воспринятая заповедь любви к ближнему сделала его активным поборником освобождения крестьян от крепостной зависимости. Принадлежа к дворянскому сословию, он считал себя повинным в неправомерной приниженности своих соплеменников.

Определяющим стержнем жизненного подвига Хомякова был поиск путей достижения полноты жизни как отдельного человека, так и человечества в целом. Основными составляющими веры, по мнению Хомякова, являются познание и жизнь, «живознание»: «В Церкви учение живет, а жизнь учит».

Итогом его поисков явилось убеждение, что единственным божественным и историческим средоточием идеальной жизни является Церковь, и притом Церковь Православная.

Алексей Степанович редко когда открывал свою душу. Он предпочитал хранить в тайне от других все сокровенное, наедине с Богом совершаемое. Между тем до нас дошло воспоминание Юрия Самарина, который, ночуя в кабинете Хомякова, стал невольным свидетелем горячей слезной молитвы Алексея Степановича. Этот рассказ является подтверждением его келейного молитвенного подвизания. Несомненно, что с молитвой рождались и писались стихи, в которых он не таясь раскрывал богатейший мир переживаний и мысли.

В эту ночь

В эту ночь Земля была в волнении:
Блеск большой диковинной звезды
Ослепил вдруг горы и селенья,
Города, пустыни и сады.

А в пустыне наблюдали львицы,
Как, дарами дивными полны,
Двигались безшумно колесницы,
Важно шли верблюды и слоны.

И в челе большого каравана,
Устремивши взоры в небосклон,
Три царя в затейливых тюрбанах
Ехали к кому-то на поклон.

А в пещере, где всю ночь не гасли
Факелы, мигая и чадя,
Там ягнята увидали в яслях
Спящее прекрасное Дитя.

В эту ночь вся тварь была в волнении,
Пели птицы в полуночной мгле,
Возвещая всем благоволенье,
Наступленье мира на земле.

Вдохновение

Лови минуты вдохновенья,
Восторгов чашу жадно пей
И сном ленивого забвенья
Не убивай души своей!
Лови минуту! пролетает,
Как молнии яркая струя;

Но годы многие вмещает
Она земного бытия.
Но если раз душой холодной
Отринешь ты небесный жар;
И если раз, в беспечной лени,
Ничтожность мира полюбив,
Ты свяжешь цепью наслаждений
Души бунтующей порыв, –
К тебе поэзии священной
Не снидет чистая роса,
И пред зеницей ослепленной
Не распахнутся небеса.
Но сердце бедное иссохнет,
И нива прежних дум твоих,
Как степь безводная, заглохнет
Под терном помыслов земных.

Давид

Певец-пастух на подвиг ратный
Не брал ни тяжкого меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни лат с Саулова плеча;
Но, духом божим осенённый,
Он в поле брал кремень простой –
И падал враг иноплемённый,
Сверкая и гремя бронёй.

И ты – когда на битву с ложью
Восстанет правда дум святых –
Не налагай на правду божью
Гнилую тягость лат земных.
Доспех Саула ей окова,
Саулов тягостен шелом:

Её оружие – божье слово,
А божье слово – божий гром!

России

(отрывок)

Твое всё то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,
Начало славы и чудес!..
О, вспомни свой удел высокой!
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему – и, все народы
Обняв любовью своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный –
Прозрачный вышнего покров!

«Мы род избранный, – говорили
Сиона дети в старину. –
Нам божьи громы осушили
Морей волнистых глубину.
Для нас Синай оделся в пламя,
Дрожала гор кремнистых грудь,
И дым и огонь, как божье знамя,
В пустынях нам казали путь.
Нам камень лил воды потоки,
Дождили манной небеса,

Для нас закон, у нас пророки,
В нас божьей силы чудеса».
Не терпит Бог людской години;
Не с теми он, кто говорит:
«Мы соль земли, мы столб святыни,
Мы божий меч, мы божий щит!»
Не с теми он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком
И, мертвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.

Но с теми Бог, с кем божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия;

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил;

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в господень храм!

Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе.

Если сердце заныло
Перед злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;

Если скорби земные
Жалом в душу впились,—
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,

Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской.

Кремлевская заутреня на Пасху

В безмолвии, под ризою nocturnoю,
Москва ждала; и час святой настал:
И мощный звон промчался над землею,
И воздух весь, гудя, затрепетал.
Певучие, серебряные громы
Сказали весть святого торжества;
И, слыша глас, её душе знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Всё тот же он: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественных забот
Не знает он, и, вестник искупленья,
Он с высоты нам песнь одну поёт,—

Победы песнь, песнь конченного плена.
Мы слушаем; но как внимаем мы?
Сгибаются ль упрямые колена?
Смирятся ль кичливые умы?
Откроем ли радушные объятия
Для страждущих, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомним ли, что это слово – братья –
Всех слов земных дороже и святей?

Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877)

Некрасовскую музу «мести и печали» еще при жизни поэта определяли как социально-обличительную. И действительно, пуповиной своей она была связана с демократическим движением 2-й половины XIX века, с присущим ему ригоризмом и воинствующим атеизмом.

Между тем Некрасов, болезненно сострадавший душой тяготам жизни народа, несмотря на социальную заземленность своей поэзии, не мог не видеть православной первоосновы русского характера. Ее составляющими были и по сути донныне остаются евангельское милосердие, долготерпение и приверженность Божьим заповедям.

В молодости Николаю Алексеевичу пришлось немало претерпеть в обретении своего места в жизни. По его словам, неделями приходилось перебиваться с хлеба на квас, а иногда и того не иметь по целым дням. Несколько лет кряду он довольствовался скудными литературными заработками, болезненно ощущая приниженность нищеты. В то несладкое время он часто распялял душу тайными мечтами о неожиданно-удачливом обогащении. Впрочем, деньги его влекли не сами по себе. Подобно герою романа Ф. М. Достоевского «Подро-

сток», деньги давали ему возможность въяе проявить незаурядные качества своей натуры. Некрасова более всего страшила горькая доля – оказаться за чертой унижительного непризнания.

Годы мытарств выработали у него предприимчивость и деловую хватку, что впоследствии позволило ему успешно вести издательские дела. Ясно, что в практически-деловых предприятиях ему не всегда удавалось соблюсти принципы порядочности. Да и вся жизнь Некрасова полна обстоятельств и сложностей, бросающих тень на его целеустремленную и возвышенную натуру. Но в том Бог ему судья!..

Последние два года жизни, проведенные наедине с мучительной болезнью, просветлили его беспокойно мятежную душу. В те дни очищающее чувство раскаяния часто посещало его. В дневниковых записях последнего года жизни мы находим знаменательное признание: «Я же когда-то очень любил стихотворение Лермонтова «Белеет парус одинокий». А теперь все повторяю «Когда для смертного умолкнет шумный день» Пушкина».

Похороны Некрасова были торжественны и многочисленны. В этом выразилось всенародное признание его как поэта и гражданина. Строки его стихов, которые мы ниже приводим, открывают внутренний потаенный мир духовных переживаний.

Истинная мудрость

Не всё постигнул ум надменный,
Не всё светло для мудреца,
Есть много таин во вселенной,
Ключи которых у творца.

От жажды знания плод не сладок,
О, не кичись, среди гордых дум,
Толпой бессмысленных догадок,
Мудрец! пред Богом прах твой ум;
Твои открытия случайны.

Тебе поверил ли эфир
Свои божественные тайны,

Всезнания жаждою богатый,
Ты угадал ли тайну чар,
Во сне тебе дающих крылья?
В себе ты понял ли, скажи,
Боренье силы и бессилья,
Ничтожность тела, мощь души?

Земным умом измерить Бога,
Постигнуть тайны бытия,—
Нет, это дерзко, это много,
Нет, это доля не твоя

Тишина

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
... И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиление посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,

И деревенек тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

«Смерти»

Не приходи в часы волнений,
Сердечных бурь и мятежей,
Когда душа огнем мучений
Сгорает в пламени страстей.

...

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе;

Когда я, дум высоких полный,
Безгрешен сердцем и душой,
И бурной суетности волны

Меня от жизни неземной
Увлечь не в силах за собою;

Когда я мыслью улетаю
В обитель к горнему царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к небу – смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в небо перейдет...

Влас

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас – старик седой.

На груди икона медная:
Просит он на божий храм, –
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кощеем-мужиком;
Права был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря –
Да поможешь ли тому,
Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще всё неможется.
Год прошел – а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду;

... Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял Господь – и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол

И собирать на построение
Храма божьего пошел.

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается –
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело божие ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой всё говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары, –

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
По лицу земли родной...

Школьник

– Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок –
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славный путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый –
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик

По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете –
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете –
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,–

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

Афанасий Афанасиевич Фет **(1820–1892)**

Фет – выдающийся русский поэт, обогативший сокровищницу мировой лирики.

Его отец – потомственный дворянин А. Н. Шеншин, а мать, Шарлота Беккер, немецкая еврейка, носившая фамилию своего первого мужа. До 14 лет будущий поэт имел фамилию отца, но затем выяснилось, что протестантское благословение на брак его родителей не имело силы в России, а их православное венчание совершилось уже после его рождения. Таким образом, выходило, что Фет является незаконнорожденным. Клеймо сословной ущербности не давало ему покоя с ранней молодости. Он сознательно поступает на военную службу в надежде вернуть утраченную фамилию и дворянство. И только в 1873 году в возрасте 53 лет он, наконец, добился своего.

В повседневной жизни Фет был необычайно волевым и целеустремленным человеком, что несколько не соответствовало образу поэта-лирика. Он ставил перед собой цели и целиком отдавался их достижению.

Поэтический пыл обнаружился в нем рано: ребенком он с упоением декламировал поэмы Пушкина. Учеба в Московском университете в пору его расцвета, много дала уму и сердцу пытливого юноши. Квартит-

руя у своего однокурсника, Аполлона Григорьева, будущего русского критика, Фет по его настоянию издает в 1846 году первую книжку своих стихов, к сожалению, не имевшую успеха. Последующие сборники, несмотря на похвалу критиков, расходились слабо. В творческой биографии Фета были продолжительные периоды, когда он ничего не писал, уходя в заботы о делах службы и хозяйственные хлопоты по имению. Широкое признание пришло к нему поздно. Зримое тому подтверждение – сборник ««Вечерние огни», вышедший в 1883 году.

Фета называют импрессионистом в поэзии. Он обладал редкой способностью передавать в стихах оттенки чувств, что делает каждое его стихотворение мастерски точной зарисовкой, воссоздающей мгновение, тронувшее его душу. Оттого-то его строки дороги всякой поэтически отзывчивой натуре.

По свидетельству современников и друзей, Афанасий Афанасиевич был сдержан в выражении своих верований. Вряд ли его можно было назвать воцерковленным человеком. Между тем, в своих стихах Фет нередко обращается к сюжетам, образам и речениям Священного Писания. Но при этом поэт как бы встраивает религиозную тему в свой художественный замысел. Как заметил литературовед Дмитрий Благой, в поэзии Фета религия подчинена искусству. Ученый-славист из Норвегии, профессор Эрик Эгеберг, дополняет эту мысль: «Лирик-Фет постепенно приходит к своеобразному мировоззрению, которое, пожалуй, можно назвать религией (чувственно окрашенной) красоты».

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,

Что в звездный день Твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданьем

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти Твои законы,
Всё пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.

Меж тем как я – добыча суеты,
Игралище ее непостоянства, –
Во мне он вечен, вездесущ, как ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат;
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.

Ни ушей, ни взоров лишних.
Вот пропели петухи,
И за ангелами в вышних
Славят Бога пастухи.

Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик...
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.

И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари востока
Злато, смирну и ладан.

Чем доле я живу, чем больше пережил,
Чем повелительней стесняю сердца пыл,
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
«Всеобщий наш Отец, который в небесах,
Да свято имя мы Твоё блюдём в сердцах,
Да придет царствие Твоё, да будет воля
Твоя, как в небесах, так и в земной юдоли,
Пошли и ныне хлеб насущный от трудов,
Прости нам долг: и мы прощаем должников,
И не введи Ты нас, бессильных, в искушение;
И от лукавого избави самомненья».

Когда Божественный бежал людских речей
И празднословной их гордыни,
И голод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,
Его, взалкавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавый.
«Вот здесь, у ног твоих, все царства, — он сказал, —
С их обаянием и славой.

Признай лишь явное, пади к моим ногам,
Сдержи на миг порыв духовный —
И эту всю красу, всю власть тебе отдам
И покорюсь в борьбе неровной».

Но Он отвечал: «Писанию внемли:
Пред богом господом лишь преклоняй колени!»
И сатана исчез – и ангелы пришли
В пустыне ждать его велений.

Прежде чем прочесть следующее стихотворение, хочу пояснить, что оно явилось откликом на убийство террористами 1 марта 1881 года государя-освободителя Александра II. Событие это потрясло русское общество. Государь, так много сделавший для России и народа его, был убит людьми, ослепленными исступленной ненавистью к вековым устоям, на которых утверждалось наше Отечество. На месте убийства возвели храм, получивший в народе имя «Спаса-на-крови».

«1 марта 1881 года»

День искупительного чуда,
Час освящения креста:
Голгофе передал Иуда
Окровавленного Христа.

Но сердцеведец безмятежный
Давно, смиряясь, постиг,
Что не простит любви безбрежной
Ему коварный ученик.

Перед безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но разгорелась любовь.

Она сияет правдой новой.
Благословив ее зарю,

Он крест и свой венец терновый
Земному передал царю.

Бессильны козни фарисейства:
Что было кровь, то стало храм,
И место страшного злодейства
Святыней вековечной нам.

«Ворот»

«Спать пора! Свеча сгорела,
Да и ты, моя краса, –
Голова отяжелела,
Кудри лезут на глаза.

Стань вот тут перед иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спеши же класть поклоны,
«Богородицу» читать!

Видишь, глазки-то бедняжки
Так и просятся уснуть.
Только ворот у рубашки
Надо прежде расстегнуть».

– Отчего же, няня, надо?
– Надо, друг мой, чтоб тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангел твой.

Твой хранитель, ангел божий,
Прилетает по ночам,
Как и ты, дитя, пригожий,
Только крылья по плечам.

Коль твою он видит душку,
Ворот вскрыт – и тих твой сон:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядет он;

А закрыта душка, спрячет
Душку ворот – мутны сны:
Ангел взглянет и заплачет,
Сядет с левой стороны.

Над тобой господня сила!
Дай, я ворот распушу.
Уж подушку я крестила –
И тебя перекрещу.

Иван Саввич Никитин (1824–1861)

Родился в Воронеже, родители его происходили из мещан. Благодаря свечной лавке и постоянному двору жили безбедно. От матери, кроткой и сердобольной женщины, он ребенком перенял чистосердечие и набожность, которые не оставляли его во все дни жизни. В Свято-Митрофаниевскую обитель, где находилась лавка отца, стекались странники и богомольцы со всей Руси. Впечатлительная детская душа воспринимала всю многокрасочность духовной жизни народа. Наделенный хорошей памятью, он впитывал и запоминал рассказы странников, духовные стихи, поучения из житий святых.

По благословению родителей и влечению сердца Никитин почти 10 лет (с 1833 по 1843 гг.) проучился в Воронежском духовном училище, а затем в семинарии, которую он однако не закончил. Несмотря на строгие порядки и взыскательность преподавателей, обязательную зубрежку, будущий поэт через годы учебы пронес, сохранил и преумножил начатки веры, воспринятые в раннем детстве.

После смерти горячо любимой матери, торговые дела у отца пошли заметно хуже. Ивану Саввичу пришлось оставить учебу, чтобы помогать отцу. По причине по-

вседневной занятости, стихи ему приходилось писать урывками, часто ночами. Как он впоследствии вспоминал, занятие это разжигало его воображение и сопровождалось переживаниями и слезами. Однако, по деликатности, Никитин долго не решался обнародовать стихи в публикациях. Как одаренный самобытный поэт он стал известен лишь после 30 лет.

По натуре своей он был просветителем, стремившимся привнести свет веры и знания в народную толщу. В 1859 году, скопив долгими трудами необходимую сумму денег и воспользовавшись благотворительностью известного в России купца-мецената В. А. Кокорева, Никитин приобрел книжную лавку, ставшую культурным центром Воронежа.

Присутствие Непостижимой Силы
Таинственно скрывается во всем:
Есть мысль и жизнь в безмолвии ночном,
И в блеске дня, и в тишине могилы,

В движении бесчисленных миров,
В торжественном покое океана,
И в сумраке задумчивых лесов,
И в ужасе степного урагана,

В дыхании прохладном ветерка,
И в шелесте листов перед зарею,
И в красоте пустынного цветка,
И в ручейке, текущем под горою.

Монастырь

Крестом высоким осененный,
Вдали от сел и городов,

Один стоишь ты, окруженный
Густыми купами дерев.

Вокруг глубокое молчанье,
И только с шелестом листов
Однообразное журчанье
Живых сливается ручьев,

И ветерок прохладой веет,
И тень бросают дерева,
И живописно зеленеет
Полян высокая трава.

О, как сыны твои счастливы!
В твоём безмолвии святом
Они страстей своих порывы
Смирили бденьем и постом;

Их сердце отжило для мира,
Ум с суетою незнаком,
Как будто светлый ангел мира
Их осенил своим крестом,

И внемлет вечное Бог Слово,
Их тяжкий труд благословив,
Святых молитв живое слово
И гимнов сладостный призыв.

Когда один, в минуты размышленья,
С природой я беседую в тиши,—
Я верю: есть святое провиденье
И кроткий мир для сердца и души.

И грусть свою тогда я забываю,
С своей нуждой безропотно мирюсь,
И небесам невидимо молюсь,
И песнь пою, и слезы проливаю...

Моление о чаше

(отрывок)

... Молитву кончив, скорби полный,
К ученикам он подошел
И, увидав их сон спокойный,
Сказал им: «Встаньте, час пришел!»

Сказал – и тихо удалился
Туда, где прежде плакал он,
И, той же скорбью возмущен,
На землю пал он и молился:

«Ты, Отче, в мир меня послал,
Но Сына мир Твой не приемлет:
Ему любовь я возвещал –
Моим глаголам он не внимлет;

Народу мир я завещал –
Народ судом мне угрожает,
Я в мире мертвых воскрешал –
И мир мне крест приготавлиет!..

О, если можно, от меня
Да мимо идет чаша эта!
Ты Бог любви, начало света,
И все возможно для Тебя!

Но если кровь нужна святая,
Чтоб землю с небом примирить, –
Твой вечный суд благословляя,
На крест готов я восходить!»

Что думал он в минуты эти,
Как человек и Божий Сын,
Подъявший грех тысячелетий, –
То знал Отец его один.

Но ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
В его груди была тогда,

... И звук мечей остроконечных
Сад Гефсиманский пробудил,
И отблеск факелов зловещих
Лицо Иуды осветил...

Дедушка

Лысый, с белой бородою,
Дедушка сидит.
Чашка с хлебом и водою
Перед ним стоит.

Бел как лунь, на лбу морщины,
С испытаным лицом.
Много видел он кручины
На веку своем.

Всё прошло; пропала сила,
Притупился взгляд;

Смерть в могилу уложила
Деток и внучат.

С ним в избушке закоптелой
Кот один живет.
Стар и он, и спит день целый,
С печки не спрыгнет.

Старику немного надо:
Лапти сплесть да сбыть –
Вот и сыт. Его отрада –
В божий храм ходить.

К стенке, около порога,
Станет там, кряхтя,
И за скорби славит Бога,
Божее дитя.

Рад он жить, не прочь в могилу –
В темный уголок.
Где ты черпал эту силу,
Бедный мужичок?

Молитва

О Боже! дай мне воли силу,
Ума сомненье умертви, –
И я сойду во мрак могилы
При свете веры и любви.

Мне сладко под Твоей грозой
Терпеть и плакать, и страдать;
Молю: оставь одну со мною
Твою святую благодать.

Новый завет

Измученный жизнью суровой,
Не раз я в себе находил
В глаголах предвечного слова
Источник покоя и сил.

Как дышат святые их звуки
Божественным светом любви,
И сердца тревожного муки
Как скоро смиряют они!..

Здесь все в чудно сжатой картине
Представлено Духом Святым:
И мир, существующий ныне,
И Бог, управляющий им,

И Сущего в мире значенье,
Причина, и цель, и конец,
И вечного Сына рожденье,
И крест, и терновый венец.

Как сладко читать эти строки,
Читая, молиться в тиши,
И плакать, и черпать уроки
Из них для ума и души!

Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900)

Владимир Соловьев известен, прежде всего, как самобытный русский философ. Его «Учение о цельном знании» имеет ярко выраженный религиозный характер.

С детства его отличала глубокая вера и мистическая настроенность. В 20 лет он защищает магистерскую диссертацию, в которой критикует западную философию за умаление веры и приоритет разума. В своем основополагающем труде – «Оправдание добра» Соловьев доказывает необходимость синтеза науки, философии и религии. Книга начинается словами: «Оправдать веру наших отцов, возведя ее на новую ступень разумного сознания, показать, как эта древняя вера... совпадает с вечною и вселенскою истиною, – вот общая задача моего труда».

В ранней молодости Владимир Сергеевич был воодушевлен идеей создать систему, в которой истины христианского вероучения были бы изложены на языке современной философии и науки. В жизни он был человеком, что называется, не от мира сего. До конца дней своих не имел семьи и собственного угла, отличался неприхотливостью в еде и одежде. В отношениях с ближними ему была свойственна доверительность, доброта и терпимость.

Умственная и душевная сосредоточенность, в которой он не знал усталости и отдыха, в конце концов, привела его к нервному и физическому истощению. Похоронен Владимир Соловьев на кладбище Новодевичьего монастыря рядом со своим отцом, выдающимся историком.

Имману-Эль

Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятьях Неба опочила,
И в тишине родился с-нами-Бог.

И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как ангелы про Бога говорят.

Но вечное, что в эту ночь открылось,
Несокрушимо временем оно,
И Слово вновь в душе твоей родилось,
Рождённое под яслями давно.

Да! С нами Бог, – не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь, – средь суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!

Ночь на Рождество

Пусть все поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что раз в душе зажглось.

Великое не тщетно совершилось;
Недаром среди людей явился Бог;
К земле недаром небо приклонилось,
И распахнулся вечности чертог.

В незримой глубине сознания мирового
Источник истины живет не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.

Родился в мире свет, и свет отвергнут тьмою,
Но светит он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а правдою самую
Князь века осужден и все его дела.

... О Всесвятая, Благословенная,
Лествица чудная, к Небу ведущая!
С Неба ко мне приклони Свои очи!
Воду живую, в вечность текущую,
Ты нам дала, голубица смиренная,
Ты солнце правды во мрак нашей ночи
Вновь возвела, Мать, Невеста и Дочь,
Дева Всеславная,
Миродержавная
И таинница Божьих советов!
Проведи Ты меня сквозь земные туманы

В горные страны,
В отчизну светов!

Панмонголизм

Панмонголизм! Хоть слово дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины божией полно.

Когда в растленной Византии
Остыл божественный алтарь
И отреклись от Мессии
Иерей и князь, народ и царь, –

Тогда он поднял от Востока
Народ безвестный и чужой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И всё твердят льстецы России:
Ты – третий Рим, ты – третий Рим.

Пусть так! Орудий божьей кары
Запас ещё не истощён.
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племён.

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! забудь былую славу:
Орёл двухглавый сокрушён,
И жёлтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамён.

Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И Третий Рим лежит во прахе,
А уж четвёртому не быть.

* * *

Когда в свою сухую ниву
Я семя истины приял,
Оно возшло – и торопливо
Я жатву первую собрал.

Не я растил, не я лелеял,
Не я поил его дождем,
Не я над ним прохладой веял
Иль ярким согривал лучом.

О нет! я терном и волчцами
Посев небесный подавлял,
Земных стремлений плевелами
Его теснил и заглушал.

Константин Константинович Романов (1858–1915)

Константин Романов – член Российского Императорского дома, президент Санкт-Петербургской академии наук, поэт, переводчик и драматург. Он был внуком государя Николая I, имел литературный псевдоним – К. Р. Среди его учителей и воспитателей были историки С. М. Соловьев и К. И. Бестужев-Рюмин, писатели Ф. М. Достоевский и И. А. Гончаров.

Помимо прочего он получил военное образование и благодаря своим личным и деловым качествам сделал блестящую карьеру. В 1877 году за героизм в Русско-турецкой войне по освобождению православных славян от иноверческого ига был награждён орденом Св. Георгия 4 степени.

Его стихи проникнуты искренним переживанием и очевидным мастерством изложения.

В молодости он был привержен неподдельному благочестию и даже имел намерения принять монашеский постриг. Впоследствии неотвязчивое искушение, одолевшее его душу, побуждало искать помощи у Господа Бога. Через всю его жизнь, как он сам признавался, проходило мучительное бореие с греховным пороком. Это обстоятельство сказалось в эмоционально-напряженном окрасе религиозного чувства в его стихах. Перу К. Р. при-

надлежит поэма «Севастиан-мученик» и пьеса на евангельский сюжет «Царь Иудейский».

Вера

О, вера чистая, святая,
Ты дверь души в обитель рая,
Ты жизни будущей заря,
Гори во мне, светильник веры,
Гори ясней, не угасай,
Будь мне повсюду спутник верный
И жизни путь мне просвещай.

Любовь вечна

Любовью ль сердце разгорится,
О, не гаси ее огня!
Не им ли жизнь твоя живится,
Как светом солнца яркость дня?

Люби безмерно, беззаветно,
Всей полнотой душевных сил,
Хотя б любовь ответной
Тебе никто не отплатил.

Пусть говорят: как все в творенье,
С тобой умрет твоя любовь –
Не верь в неправое ученье:
Истлеет плоть, остынет кровь,

Угаснет в срок определенный
Наш мир, угаснут тьмы миров,
Но пламень тот, Творцом возжженный,
Пребудет в вечности веков.

Надпись на Евангелии

Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.

Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.

Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные
В грустной юдоли земной,

Пусть в ваше сердце вливаются,—
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

Колокола

Несется благовест... Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.
Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест... И ласково и нежно
С далекой родины гудят колокола.

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнётся счастье вновь,
Благодарим ли с умилением
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Из Апокалипсиса

Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти Меня в келью свою.

Я немощен, наг, утомлен и убог,
И труден Мой путь и далек.
Считаюсь Я по миру, беден и нищ,
Стучася у многих жилищ.
Кто глас Мой услышит, кто дверь отопрет,
Меня кто к себе призовет, –
К тому Я войду и того возлюблю
И вечерю с ним разделю.
Ты слаб, изнемог ты в труде и борьбе –
Я силы прибавлю тебе.
Ты плачешь – последние слезы с очей
Сотру Я рукою Моей.
И буду в печали тебя утешать
И сяду с тобой вечерять.

Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти Меня в келью свою.

Когда провидя близкую разлуку,
Душа болит уныньем и тоской,
Я говорю, тебе сжимая руку:
Христос с тобой!

Когда в избытке счастья неземного
Забьется сердце радостью порой,
Тогда тебе я повторяю снова:
Христос с тобой!
А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владеют робкою душой,
Тогда тебе твержу я в утешенье:
Христос с тобой!
Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о друг, ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно
Христос с тобой!

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышлением.
Чтоб и душу Тебе посвятить,
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю.
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить.

Не говори, что к небесам
Твоя молитва не доходна;

Верь, как душистый фимиам,
Она Создателю угодна.

Когда ты молишься, не трать
Излишних слов; но всей душою
Старайся с верой сознать,
Что слышит Он, что Он с тобою.

Что для Него слова? – О чем,
Счастливым сердцем иль скорбящий,
Ты ни помыслил бы, – о том,
Ужель не ведает Всезрящий?

Любовь к Творцу в душе твоей
Горела б только неизменно,
Как пред иконою священной
Лампады теплится елей.

На Страстной неделе

Жених в полуночи грядет.
Но где же раб Его блаженный,
Кого Он бдящего найдет?
И кто с лампадою возжженной
На брачный пир войдет за Ним

В ком света тьма не поглотила?
О, да исправится, как дым
Благоуханного кадила,
Моя молитва пред Тобой!
Я с безутешною тоской
В слезах взираю издалека
И своего не смею ока
Воздеть к чертогу Твоему.

Где одеяние возьму?
О Боже, просвети одежду
Души истерзанной моей,
Дай на спасенье мне надежду,
Во дни святых Твоих Страстей.

Услышь, Господь, мои моления
И Тайной вечера Твоей,
И всечестнаго омовенья
Прими причастника меня.

Врагам не выдам тайны я,
Вспомануть не дам Иуду
Тебе в лобзании моем, –
Но за разбойником я буду
Перед Святым Твоим крестом
Взывать коленапреклоненный;
О помяни, Творец вселенной,
Меня во Царствии Твоем!

Семён Яковлевич Надсон (1862–1887)

В 1886 году совсем молодым умирал в Ялте этот чистый сердцем человек и Божьей милостью поэт. Он умирал, когда по всей России росло восторженное признание его дарования и с невиданной быстротой расходились сборники его стихов.

Такой же страдальческой как кончина была и вся жизнь поэта. В два года он лишился отца, одаренно-самобытного человека, умершего в клинике для душевнобольных. От него сын унаследовал незаурядные музыкальные способности: всю свою жизнь Надсон не расставался со скрипкой, хорошо пел и музицировал на многих инструментах. Его мать, Антонина Степановна, урожденная Мамонтова, души не чаяла в сыне. Служа экономкой, она кое-как перемогалась, воспитывая двух детей.

С детства в мальчике обнаружились утонченность натуры и чрезмерная впечатлительность. Последующие события его жизни еще более усугубили эти качества. По недостатку средств в 12 лет он был отдан на казенное содержание в военную гимназию. Расставание с матерью, к которой он был очень привязан, с привычным уютом дома и последующая жизнь в казарме, среди чужих и чуждых ему людей – стали сущим мучени-

ем для его легкоранимой натуры. Зато так сладостны были субботы, когда после недельной разлуки он получал увольнение. Но как тягостны были для него воскресные вечера, когда после недолгих часов домашнего рая ему надо было возвращаться в постылый быт казарменного корпуса. Слезы и мольбы сына всякий раз рвали на части материнскую душу. Однажды, чтобы избежать этой пытки, она в отчаянии заперлась в своей комнате. Потрясенный мальчик, обливаясь слезами, звал ее, стуча кулачками в дверь. Потом, почти в беспамятстве, бросился на кухню, схватил нож и, если бы ему не помешали, с горя убил бы себя.

Душевный надрыв в то же время наделял его возможностью пронзительного чувствования и сокровенного понимания как земного, так и небесного.

Чуткое восприятие жизни природы было присуще ему с рождения. Мальчиком он записывал в своем дневнике: «С большой грустью замечаю, что встречаю первый снег все с большим и большим равнодушием. Неужели в душе угасает природная поэзия и замирают те неясные звуки, которые я передаю под образом стихотворений?» В первый год учения в корпусе, вечерами, он тайком пробирался в рекреационную залу и с молитвенным упоением долго простаивал перед иконой архангела Гавриила. Его умиляла и вдохновляла богоподобная красота небожителя.

По складу натуры Надсон принадлежал к типу нравственных максималистов – людей, неуступчивых ко злу и всяческой пошлости. Этот тип выведен у Достоевского в образе Алеши Карамазова, который в неподдельном ужасе затыкал уши и катался по земле, когда сверстники искушали его богохульными насмешками. Подобно ему и Надсон, будучи тщедушным и слабосиль-

ным, в праведном гневе мог наброситься на велико-возрастного обидчика, кого-либо из своих однокашников. Товарищи по корпусу скоро оценили бесстрашное рыцарство этого замкнутого, но не по годам развитого юноши. Литературные способности Надсона также содействовали его признанию, так как по просьбам сверстников ему приходилось писать по несколько сочинений в день. При всем том он успевал прочитывать уйму книг.

В 17 лет он пылко и беззаветно полюбил. Но случилось так, что через год его избранница умирает от скоротечной чахотки. Постепенное забвение умершей возлюбленной, естественное для всякого человека, казалось ему изменой по отношению к ее памяти. Отсюда его горестный вывод: «Есть что-то подлое и низкое в способности забвения, вложенной в душу человека; забвение, в сущности говоря, та же измена, и даже хуже измены, т.к. лицо страдательное из могилы не в силах поднять свой голос – и вместе с тем это неизбежно, это человечно, это одна сторона старого разлада между идеалом и жизнью». Под впечатлением от утраты, он более чем когда-либо чувствовал, что «сердце просит, требует вечности и чистоты идеала».

При его обостренной совести и жажде нетленной красоты, таким идеалом для него мог стать один Христос:

«Мой Бог – Бог страждущих, Бог обогранных кровью,
Бог человек и брат с небесною душой,
И пред страданием и чистою любовью,
Склоняюсь я с моей горячею мольбой»

Своей короткой, но пламенной жизнью Надсон засвидетельствовал, что огонь, низведенный Господом

с Неба, был присущ и его порывистой чистой душе. Стремясь подражать Христу-Спасителю, он с удостоверяющим чистосердечием признавался:

«Я плачу с плачущим,
Со страждущим страдаю
И утомленному я руку подаю».

Христианка

I

Спит гордый Рим, одетый мглою,
В тени разросшихся садов;
Полны глубокой тишиною
Ряды немых его дворцов;
Весенней полночи молчанье
Царит на сонных площадях;
Луны капризное сиянье
В речных колеблется струях.
И Тибр, блестящей полосой
Катясь меж темных берегов,
Шумит задумчивой струею
Вдаль убегающих валов.
В руках распятие сжимая,
В седых стенах тюрьмы сырой
Спит христианка молодая,
На грудь склонившись головой.
Бесплодны были все старанья
Ее суровых палачей:
Ни обещанья, ни страданья
Не сокрушили веры в ней.
Бесчеловечною душою
Судьи на смерть осуждена,
Назавтра пред иным судьею

Предстанет в небесах она.
И вот, полна святым желаньем
Всё в жертву небу принести,
Она идет к концу страданья,
К концу тернистого пути...

И снятся ей поля родные,
Шатры лимонов и дубов,
Реки изгибы голубые
И юных лет приятный кров;

...

На все земное без участия
Она привыкла уж смотреть;
Не нужно ей земного счастья,—
Ей в жизни нечего жалеть:

...

И на алтарь Христа и Бога
Она готова принести
Всё, чем красна ее дорога,
Что ей светило на пути.

II

... Всё спит. Один Альбин угрюмый
Сидит в раздумье у окна...
Тяжелой, безотрадной думой
Его душа возмущена.
Враг христиан, патриций славный,
В боях испытанный герой,
Под игом страсти своенравной,
Как раб, поник он головой.

...

Мечта нескромная смущает
Его блаженством неземным,

Воображенье вызывает
Картины страстные пред ним.
И в полумгле весенней ночи
Он видит образ дорогой,
Черты любимые и очи,
Надежды полные святой.

III

С тех пор, как дева молодая
К нему на суд приведена,
Проснулась грудь его немая
От долгой тьмы глухого сна.
Разврат дворца в душе на время
Стремленья чистые убил,
Но свет любви порока бремя
Мечом карающим разбил;
И, казнь Марии изрекая,
Дворца и Рима гордый сын,
Он сам, того не сознавая,
Уж был в душе христианин.
И речи узницы прекрасной
С вниманьем жадным он ловил,
И свет великий веры ясной
Глубоко корни в нем пустил.
Любовь и вера победили
В нем заблужденья прежних дней
И душу гордую смутили
Высокой чистотой своей.

IV

Заря блестящими лучами
Зажглась на небе голубом,

И свет огнистыми волнами
Блеснул причудливо кругом.

...

Проснулся Рим. Народ толпами
В амфитеатр, шумя, спешит,
И черни пестрыми волнами
Цирк, полный до верху, кипит;
И в ложе, убранной богато,
В пурпурной мантии своей,
Залитый в серебро и золото,
Сидит Нерон в кругу друзей.
Подавлен безотрадной думой,
Альбин, патриций молодой,
Как ночь, прекрасный и угрюмый,
Меж них сияет красотой.

Толпа шумит нетерпеливо
На отведенных ей местах,
Но – подан знак, и дверь визгливо
На ржавых подалась петлях, –
И, на арену выступая,
Тигрица вышла молодая...
Вослед за ней походкой смелой
Вошла, с распятием в руках,
Страдалица в одежде белой,
С спокойной твердостью в очах.
И вмиг всеобщее движенье
Сменилось мертвой тишиной,
Как дань немого восхищенья
Пред неземною красотой.
Альбин, поникнув головою,
Весь бледный, словно тень, стоял...

.....

И вдруг пред стихнувшей толпою
Волшебный голос зазвучал:

V

«В последний раз я открываю
Мои дрожащие уста:
Прости, о Рим, я умираю
За веру в моего Христа!
И в эти смертные мгновенья,
Моим прощая палачам,
За них последние моленья
Несу я к горним небесам:
Да не осудит их Спаситель
За кровь пролитую мою,
Пусть примет их святой Учитель
В свою великую семью!
Пусть светоч чистого ученья
В сердцах холодных он зажжет
И рай любви и примиренья
В их жизнь мятежную прольет!...»

Она замолкла,— и молчанье
У всех царило на устах;
Казалось, будто состраданье
В их черствых вспыхнуло сердцах...

.....
Вдруг на арене, пред толпою,
С огнем в очах предстал Альбин
И молвил: «Я умру с тобою...
О Рим,— и я христианин...»

Глубокой древности сказанье
Прошло седые времена,

И беспристрастное преданье
Хранит святые имена.
Простой народ тепло и свято
Сумел в преданьи сохранить,
Как люди в старину, когда-то,
Умели верить и любить!..

Из поэмы «Иуда»

Христос молился... Пот кровавый
С чела поникшего бежал...
За род людской, за род лукавый
Христос моления воссылал;
Огонь святого вдохновенья
Горел в чертах Его лица,
И Он с улыбкой сожаленья
Сносил последние мученья
И боль тернового венца.
Вокруг креста толпа стояла,
И грубый смех звучал порой...
Слепая чернь не понимала,
Кого насмешливо пятнала
Своей бессильною враждой.
Что сделал Он? За что на муку
Он осужден, как раб, как тать,
И кто дерзнул безумно руку
На Бога своего поднять?
Он в мир вошел с святой любовью,
Учил, молился и страдал –
И мир Его невинной кровью
Себя навеки запятнал!..

Святитель

Там, за этим леском, что видать из окна,
Есть обитель: давно над рекою
Золотыми крестами сияет она
И белеет зубчатой стеною.
Сотни лет ее колокол мерно гудит,
По заре на молитву сзывая,
И далеко удар за ударом летит
Над лесными вершинами края...
Много ходит в народе сказаний о ней:
В старину, говорят те сказанья,
Сам Угодник нашел в ней приют от скорбей,
И покой от мирского скитанья.
Если ты обездолен людьми и судьбой,
Если горе к тебе прикипело,
Если тяжкий недуг, присосавшись змеей,
Как огнем изсушил твое тело,
Если нет от тоски тебе сна по ночам,
Если труд твой в руках не спорится,—
Приходи в монастырь приложиться к мощам,
Приходи в монастырь помолиться.

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.
Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землей,
Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь,—
Верь: настанет пора — и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!

Не в терновом венце, не под гнетом цепей,
 Не с крестом на согбленных плечах, –
В мир придет она в силе и славе своей,
 С ярким светочем счастья в руках.
И не будет на свете ни слез, ни вражды,
 Ни бескрестных могил, ни рабов,
Ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды,
 Ни меча, ни позорных столбов!

О мой друг! Не мечта этот светлый приход,
 Не пустая надежда одна:
Оглянись, – зло вокруг чересчур уж гнетет,
 Ночь вокруг чересчур уж темна!
Мир устанет от мук, захлебнется в крови,
 Утомится безумной борьбой -
И поднимет к любви, к беззаветной любви,
 Очи, полные скорбной мольбой!..

Верь в великую силу любви!..
Свято верь в ее крест побеждающий,
В ее свет, лучезарно спасающий,
Мир, погязший в грязи и крови,
Верь в великую силу любви!

Константин Михайлович Фофанов (1862–1911)

По признанию самого поэта, в 15 лет он, имея веру с детства, пережил живой познавательный интерес к изучению Библии. Со временем это обнаружилось в его стремлении к художественной эстетизации религиозного сознания. Неслучайно, что именно с библейской темой молодой поэт вошел в литературу. Поэтическая интерпретация сюжетов Священного Писания в те годы была выдержана у него в духе романтических традиций. К примеру, красота природного лона служит ему поводом видения и осознания Божьего всеприсутствия.

Едва закат погаснет в небе алый
И ляжет мрак на землю запоздалый,
Как звездную свою эпитрахиль
На спящий мир опустит Вездесущий,
Чтоб усладить мучительную боль
И радостью наполнить день грядущий.

Между тем, неоромантик Фофанов не может не осознавать своей идеалистической приподнятости над злом и страданиями, которыми полна земля.

Отче наш! Бог, в небесах обитающий,
Оку незримый, но зримый сердцами,
Все созидающий, все разрушающий,
Греющий землю живыми лучами.
Мы принесли тебе в жертву бескровную
Нашу молитву в часы покаяния, –
Дай же, о Боже, нам пищу духовную,
Дай нам источник святого желания.
В годы сомнения, в годы ненастные
Нам изменили мечты неизменные;
Мы загасили светильники ясные,
Мы расплескали елеи священные.
Отче наш! Бог безутешно страдающих,
Солнце вселенной! К Тебе мы с молитвою –
Всех сохрани за любовь погибающих.
Всех угнетенных мучительной битвою!
Отче наш! дай нам пути благодатные
И отстрани от соблазна лукаваго...
Да воссияют лучи незакатные
Правды небесной и помысла праваго!

Стансы сыну

Люби людей; люби природу...
Неволей ближних и родных
Не покупай себе свободу...
Учись у добрых и у злых.

Есть в небе место ясным зорькам,
Но там и темной ночи мгла,
И сладкий мед в растеньи горьком
Находит мудрая пчела.

Пусть лучше ты обманут дважды
И проклят ложью не за ложь...
Чем сам обманешь хоть однажды
И на проклятье посягнешь!

Мы, проклиная, сердце губим,
И свет любви теряем с ним...
Мир наш – пока его мы любим,
Разлюбим – станет он чужим.

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953)

Первый из русских писателей, ставший лауреатом Нобелевской премии в 1933 году. Премия была присуждена «за строгий артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типичный русский характер».

Религиозные взгляды Бунина сложны и противоречивы. Сам он выразил свое отношение к христианству довольно категорично: «Никакой ортодоксальной веры я не держусь».

В 1934 году на Западе вышла книга архимандрита Кирилла Зайцева «И.А. Бунин. Жизнь и творчество». Ценность исследования подтверждается тем, что Иван Алексеевич, прочтя книгу, одобрил ее. Зайцев, проследившая эволюцию религиозности мастера, показывает, что в поэзии Бунин никогда не уходит от Бога, в то время как в прозе его боговидение выглядит более сложно. Приводим слова архимандрита Кирилла: «Для поэзии Бунина характерен процесс все большего утверждения в его поэтическом творчестве начала «предстояния Богу», все большей религиозной осмысленности».

И действительно, в его поэтическом наследии немало стихов, связанных с событиями и образами священной истории как Ветхого, так и Нового завета.

Им присуща художественная и смысловая достоверность. Из стихотворений, предлагаемых в подборке можно видеть, как в словесном чекане выдающегося мастера поэтически воссозданы дорогие всем нам истины, события, личности, сопричастные к истории спасения.

Слово

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.

Тора

Был с богом Моисей на дикой горной круче,
У врат небес стоял как в жертвенном дыму:
Сползали по горе грохочущие тучи –
И в голосе громов Бог говорил ему.
Мешалось солнце с тьмой, основы скал дрожали,
И видел Моисей, как зиждилась Она:
Из белого огня – раскрытые скрижали,
Из черного огня – снятые письма.
И стиль – незримый стиль, чертивший их узоры, –
Бог о главу вождя склоненного отер,
И в пламенном венце шел восприемник Торы
К народу своему, в свой стан и свой шатер.
Воспойте песнь ему! Он радостней и краше
Светильника Седьми пред божьим алтарем:

Не от него ль зажгли мы пламенники наши,
Ни света, ни огня не уменьшая в нем?

Гробница Рахили

«И умерла, и схоронил Иаков
Ее в пути...» И на гробнице нет
Ни имени, ни надписей, ни знаков.
Ночной порой в ней светит слабый свет,
И купол гроба, выбеленный мелом,
Таинственную бледностью одет.
Я приближаюсь в сумраке несмело
И с трепетом целую мел и пыль
На этом камне, выпуклом и белом...
Сладчайшее из слов земных! Рахиль!

В пустыне раскаленной мы блуждали,
Томительно нам знойный день светил,
Во мгlistые сверкающие дали
Туманный столп пред нами уходил.
Но пала ночь – и скрылся столп туманный,
Мираж исчез, свободней дышит грудь –
И пламенем к земле обетованной
Нам Ягве указывает путь!

Сон

Из книги пророка Даниила

Царь! вот твой сон: блистал перед тобою
Среди долин огромный истукан,
Поправший землю глиняной стопую.
Червонный лик был истукану дан,
Из серебра имел он грудь и длани,
Из меди – бедра мощные и стан.

Но пробил час, назначенный заране, –
И сорвался в долину сам собой
Тяжелый камень с дальней горной грани.

Царь! пробил час, назначенный судьбой:
Тот камень пал, смешав металлы с глиной,
И поднял прах, как пыль над молотьюбой.
Бог сокрушил металла блеск в единый
И краткий миг: развеял без следа,
А камень стал великою вершиной.
Он овладел вселенной. Навсегда.

Вход в Иерусалим

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя господне!»
И с яростным хрипом в груди,
С огнем преисподней
В сверкающих гнойных глазах,
Вздувая все жилы на шее,
Вопя все грознее,
Калека кидается в прах
На колени,
Пробившись сквозь шумный народ,
Ощеривши рот,
Щербатый и в пене,
И руки раскинув с мольбой –
О мщенье, о мщенье,
О пире кровавом для всех обойденных
судьбой –

И ты, всеблагой,
Свете тихий вечерний,
Ты грядешь посреди обманувшейся черни,

Преклоняя свой горестный взор,
Ты вступаешь на кротком осляти
В роковые врата – на позор,
На проклятье!

В Гефсиманском саду

... И в этот час, гласит преданье,
Когда, сомнением томим,
Изнемогал он от страданья.
Все преклонилось перед ним.
Затихла ночь и благоговенье,
И слышал он: «Моих ветвей
Колючий терн – венцом мученья
Возложат на главе твоей;
Но терн короною зеленой
Чело святое обовьет –
В мир под страдальческой короной.
Как царь царей, Господь войдет!»
И кипарис, над ним шумящий,
Кому шептал во тьме ночной:
«Благослови Господь скорбящий, –
Велик и славен подвиг твой!
Я вознесу над всей вселенной
Мой тяжкий крест, и на кресте
Весь мир узрит тебя, смиренный,
В неизреченной красоте!»
Но снова он в тоске склонялся,
Но снова он скорбел душой –
И ветер ласковой струей
Его чела в тиши касался:
«О, подними свой грустный взор!
В час скорби, в темный час страданья
Прохлады свежее дыханье

Я принесу с долин и гор,
И нежной лаской аромата
Твои мученья облегчу,
И от востока до заката
Твои глаголы возведу!»

В Гефсиманском саду

Христос воскрес! Опять с зарею
Редает долгой ночи тень,
Опять зажегся над землею
Для новой жизни новый день.
Еще чернеют чащи бора;
Еще в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озера
И дышат свежестью ночной;
Еще в синеющих долинах
Плывут туманы... Но смотри:
Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!
Они в выси пока сияют,
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.
Но, с каждым часом приближаясь
Из-за алеющих вершин,
Они заблещут, разгораясь,
И в тьму лесов и в глубь долин;
Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!

Солнце уходит в далекие страны,
В сумрак ночной, за леса и моря.
В темных лесах засинели туманы,
В море горит золотая заря.

День угасает. Дневные заботы
С тихой зарей забывает земля,
Пахарь усталый вернулся с работы,
В теплой росе засыпают поля.

... Стихает дятлов стук... С заката потянул
Неясный ветерок... Закат еще краснеет,
Но близок час ночной – и храм лесов темнеет,
И подымается чуть слышный, смутный гул.

То рать отцов-дубов заводит разговоры,
То на вечерний гимн скликаются леса...
И вот окончен день: в торжественные хоры
Сливаются лесные голоса.

«Сестры, возрадуйтесь! День благодатный,
Тихий и теплый, господь даровал.
Славой господней огонь предзакатный,
Славой небесною Запад пылал.

Звездную ночь нам творец посылает,
Темной земле он огни засветил,
Сон безмятежный для нас наступает...
Дивны веления господя сил!»

Мгновение молчат во мраке сосны,
Мгновенье – и звучит согласно по лесам:

«Господь, господь! Как ладан росный,
Благоухает наш бальзам.

И аромат любвеобильный
Мы изливаем в теплой мгле
Тебе, господь, тебе, всесильный
На небесах и на земле!»

Тихой песней им вторят березы ветвистые:
«Отче наш! При сиянье озер
Зори светлые, зори огнистые
Золотят наш зеленый убор.

И под ласкою ветра целебною
Наши тонкие ветви шумят,
И тебе они арфой хвалебною,
Нашей радостной песней звучат!»

И кончают грустною мольбою
Пихты, погруженные во мглу:
«Сестры! Братья! Радуйтесь покою
И творите господу хвалу!»

Истомил нас день тяжелым зноем,
Но темнеют, меркнут небеса,
Веет ночь прохладой и покоем,
Падает вечерняя роса!

И смолкает весь мир, забывается сном
 благодатным.
Гаснут вспышки зарниц. А из влажного мрака
 лесов,

Замирая, звучит от земли к небесам
необъятным
Отдаленный хорал голосов,–

В высь, где темные бездны, лазурные бездны, стру-
ятся,
Млечный Путь, как река, в бесконечные дали
ушел,
В высь, где звезды и звезды серебряной пылью ро-
ются,
А над звездами – божий престол.

Троица

Гудящий благовест к молитве призывает,
На солнечных лучах над нивами звенит;
Даль заливных лугов в лазури утопает,
И речка на лугах сверкает и горит.
А на селе с утра идет обедня в храме;
Зеленою травой усыпан весь амвон,
Алтарь, сияющий и убранный цветами,
Янтарным блеском свеч и солнца озарен.
И звонко хор поет, веселый и нестройный,
И в окна ветерок приносит аромат –
Твой нынче день настал, усталый, кроткий брат,
Весенний праздник твой, и светлый, и спокойный!
Ты нынче с трудовых засеянных полей
Принес сюда простые приношенья:
Гирлянды молодых березовых ветвей,
Печали тихий вздох, молитву – и смиренье.

За все Тебя, Господь, благодарю!
Ты, после дня тревоги и печали,

Даруешь мне вечернюю зарю,
Простор полей и кротость синей дали.
Я одинок и ныне – как всегда.
Но вот закат разлил свой пышный пламень,
И тает в нём Вечерняя Звезда
Дрожа насквозь, как самоцветный камень.
И счастлив я печальной судьбой,
И есть отрада сладкая в сознанье,
Что я один в безмолвном созерцанье,
Что всем я чужд и говорю – с Тобой

Псалом жизни

... Не печаль и не блаженство
Жизни цель: она зовет
Нас к труду, в котором бодро
Мы должны идти вперед.

Путь далек, а время мчится, –
Не теряй в нем ничего.
Помни, что биенье сердца –
Погребальный марш его.

На житейском бранном поле,
На биваке жизни будь –
Не рабом будь, а героем,
Закалившим в битвах грудь.

Не оплакивай Былого,
О Грядущем не мечтай,
Действуй только в Настоящем
И ему лишь доверяй!

Жизнь великих призывает
Нас к великому идти,
Чтоб в песках времен остался
След и нашего пути,—

След, что выведет, быть может,
На дорогу и других —
Заблудившихся, усталых —
И пробудит совесть в них.

Встань же смело на работу,
Отдавай все силы ей
И учись в труде упорном
Ждать прихода лучших дней!

Святитель

Твой гроб, дубовая колода,
Стоял открытый, и к нему
Все шли и шли толпы народа
В душистом голубом дыму.

А на доске, тяжелой, черной,
Был смуглый золотой оклад,
Блистал твой образ чудотворный
В огнях малиновых лампад.

И, осеняя мир десницей
И в шуйцу взяв завет Христа,
Как горько ты, о темнолицый,
Иссохшие смыкал уста!

На исходе

Ходили в мире лже-Мессии, –
Я не прельстился, угадал,
Что блуд и срам их в литургии
И речь – бряцающий кимвал.
Своекорыстные пророки,
Лжецы и скудные умы!
Звезда, что будет на востоке,
Еще среди глубокой тьмы.
Но на исходе сроки ваши:
Вновь проклят старый мир – и вновь
Пьет сатана из полной чаши
Идоложертвенную кровь!

Ангел

В вечерний час, над степью мирной,
Когда закат над ней сиял,
Среди небес, стезей эфирной,
Вечерний ангел пролетал.
Он видел сумрак предзакатный, –
Уже синел вдали восток, –
И вдруг услышал он невнятный
Во ржах ребенка голосок.
Он шел, колосья собирая,
Сплетал венок и пел в тиши,
И были в песне звуки рая –
Невинной, неземной души.
«Благослови меньшого брата, –
Сказал Господь. – Благослови
Младенца в тихий час заката
На путь и правды и любви!»
И ангел светлою улыбкой
Ребенка тихо осенил

И на закат лучисто-зыбкий
Поднялся в блеске нежных крил.
И, точно крылья золотые,
Заря пылала в вышине,
И долго очи молодые
За ней следили в тишине!

Ночь и день

Старую книгу читаю я в долгие ночи
При одиноком и тихо дрожащем огне:
«Все мимолетно – и скорби, и радость, и песни,
Вечен лишь бог. Он в ночной неземной тишине».
Ясное небо я вижу в окно на рассвете.
Солнце восходит, и горы к лазури зовут:
«Старую книгу оставь на столе до заката.
Птицы о радости вечного бога поют!»

Зарницы лик, как сновиденье,
Блеснул – и в темноте исчез.
Но увидел я на мгновенье
Всю даль и глубину небес.
Там, в горнем свете, встали горы
Из розоватых облаков,
Там град и райские соборы –
И снова черный пал покров.
Вот задрожал и вспыхнул снова –
И снова блещущий восторг,
Вновь мрак томления земного
Господь десницею расторг.
Не так же ль в радости случайной
Мечта взмахнет порой крылом –

И вдруг блеснет небесной тайной
Все потонувшее в былом?

Звезда дрожит среди вселенной...
Чьи руки дивные несут
Какой-то влагой драгоценной
Столь переполненный сосуд?
Звездой пылающей, потиром
Земных скорбей, небесных слез
Зачем, о господи, над миром
Ты бытие мое вознес?

Надпись на могильной плите

Несть, господи, грехов и злодеяний
Превыше милосердья твоего
Рабу земли и суетных желаний
Прости грехи за горести его.
Завет любви хранил и в жизни свято:
Во дни тоски, наперекор уму,
Я не питал змею вражды на брата,
Я все простил, по слову твоему.
Я, тишину познавший гробовую,
Я, восприявший скорби темноты,
Из недр земных земле благовествую
Глаголы Незакатной Красоты!

Зачем пленяет старая могила
Блаженными мечтами о былом?
Зачем зеленым клонится челом
Та ива, что могилу осенила
Так горестно, так нежно и светло,

Как будто все, что было и прошло,
Уже познало радость воскресенья
И в лоне всепрощения, забвенья
Небесными цветами поросло?

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

Александр Александрович Блок (1880–1921)

По своему происхождению, окружению и воспитанию он принадлежал к академическому профессорскому кругу Петербургской интеллигенции конца XIX века. Его дедушка Андрей Николаевич Бекетов был ректором Петербургского университета. Поэт родился и возрастал на Университетской набережной, в Ректорском флигеле. Его возлюбленная, а затем и жена, Любовь Дмитриевна, была дочерью Д.И. Менделеева, создателя периодической системы элементов.

Заметим, что в среде дворянской интеллигенции конца XIX века не так-то много было людей, глубоко верующих и воцерковленных. С детства будущий поэт воспринял мировоззренческие и культурные особенности этой прослойки русского общества.

В 17 лет он беззаветно влюбляется в Любу Менделееву. В его отношениях к ней, равно как и в стихах, ей посвященных, очевидны два ракурса – реальный и мистический. Что касается последнего, в воображении поэта возлюбленная видится ему той «Прекрасной Дамой», в которой рыцари средневековья находили лучезарное отражение Царицы Небесной.

В первый том Блока входят стихи, где Христос ни

разу не упомянут, но в то же время мы встречаем там множество цитат и аллюзий из Нового Завета.

Как известно, поэт принадлежал к символизму, литературному направлению, в котором произошло соединение двух начал: религиозно-мистического и образно-эстетического. Символисты в своих стихах постоянно обращались к понятиям и атрибутике христианской культуры. Надо признаться, что зачастую это имело вид некоего новомодного поветрия. Сердцем и умом Блок не мог принять такой безответственной эстетской профанации. Он считал, что жизнь и учение Христа столь возвышенны и духовно значимы, что на эту тему нельзя резонерствовать и суесловить.

Через свою недолгую жизнь он пронес мучительное чувство глубокой и выстраданной любви к Отечеству, его истории и народу. Россия в стихах Блока – это место встречи с Богом. Зажженная революционным октябрём надежда на лучшее будущее страны скоро обернулась для него и еще многих других горьким разочарованием. Оно-то и стало бытийной причиной преждевременной кончины поэта.

Разверзлось утреннее око,
Сиянье льется без конца.
Мой дух летит туда, к Востоку,
Навстречу помыслам творца.
Когда я день молитвой встречу
На светлой утренней черте, –
Новорожденному навстречу
Пойду в духовной чистоте.
И после странствия земного
В лучах вечернего огня

Душе легко вернуться снова
К молитве завтрашнего дня.

Спите, больные и духом мятежные,
Спите, вам дорог покой!
Ангел навеет рукой белоснежную
Сон золотой!
Каждую ночь над землею туманною
Ангелы веют крылом;
Небо покоит нас негой желанною –
Радостным сном!

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней миры.

Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары.

Шлет невзгоды и печали,
Нежностью объят.
Но чрез них в иные дали
Проникает взгляд.

И больней душе мятежной,
Но ясней миры.
Это Бог лазурный, нежный,
Шлет свои дары.

Входите все. Во внутренних покоях
Завета нет, хоть тайна здесь лежит.

Старинных книг на древних аналоях
Смущает вас оцепеневший вид.

Здесь в них жива святая тайна бога,
И этим древностям истленья нет.
Вы, гордые, что создали так много,
Внушитель ваш и зодчий – здешний свет.

Напрасно вы исторгнули безбожно
Крикливые хуленья на творца.
Вы все, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здесь пред тайной без конца.

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Всё дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной – к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь – осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Коршун

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг.
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встаёт мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Осенняя любовь

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —

Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.

В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нем.

И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой – будет ли причален
К моей распятой высоте?

Настал желанный час. Природа,
Из рук Властителя Творца,
Зажгла ночные неба своды
Сверканьем звездным – без конца.
Так прихотливо и прекрасно
Засыпав небо серебром,
Творец поставил светоч ясный
На стражу в блеске мировом,
И выплыл месяц. Нивы, доли,
Равнины, горы и леса
Внимают вещи глаголы
И, молча, славят небеса...

Николай Степанович Гумилёв (1886–1921)

По отцу, служившему корабельным врачом в Кронштадте, он происходил из дворян. Дед Гумилева по материнской линии, Яков Федотович Панов, был дьячком в храме села Желудево Рязанской губернии. Из-за болезни юноша закончил гимназию лишь в 20 лет. Стихи начал писать в раннем детстве. Позднее в нем обнаружился интерес к дальним странам и тяга к путешествию.

В 24 года он женится на Анне Ахматовой. Вскоре у них родился сын – Лев, ставший впоследствии выдающимся историком. Богемная литературная среда, в которую Гумилев окунулся с головой, отнюдь не располагала к духовному трезвению. В этом смысле поворотным событием стало для него русско-германская война 1914 года, когда молодой поэт добровольцем отправился на фронт. За мужество и беззаветную храбрость Гумилев был отмечен тремя Георгиевскими крестами, и будучи рядовым дослужился до офицерского чина прапорщика. Впечатляющий опыт войны отражен им в книге «Записки кавалериста» и сборнике стихов «Колчан». До этого у него уже вышло несколько сборников. Ахматова справедливо считала главной темой «Колчана» православие. И, действительно, в этой кни-

ге тема обретения веры, ее воздействия на человеческую душу в суровых условиях военной страды выражено правдиво и проникновенно. «Поэт, когда-то с горечью осознавший свое одиночество в мире, тщетность всех попыток изменить действительность и свою судьбу, чувствовавший себя игрушкой в руках неумолимого рока, вдруг видит «свет на горе Фаворе», находит Истину, а вместе с ней смысл жизни и творчества».

Приняв Бога, он по-иному начинает оценивать окружающий мир и себя в нем. Его не покидает сознание, что отныне он соучастник всеблагой воли Бога и её выразитель.

Наступление

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Строки стихов тех ратных дней подобны запекшейся крови из раны. Боль, лишения, геройская отвага, обернулись для его ума и сердца обретением неведомого доселе духовно-возвышенного мира.

И счастием душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовет свои дороги.

Честнейшую честнейших херувим,
Славнейшую славнейших серафим,
Земных надежд небесное Свершенье
Она величит каждое мгновенье
И чувствует к простым словам своим
Вниманье, милость и благоволенье.

Есть на море пустынном монастырь
Из камня белого, золотоглавый,
Он озарен немеркнущею славой.
Туда б уйти, покинув мир лукавый,

Смотреть на ширь воды и неба ширь...
В тот золотой и белый монастырь!

Война открыла Гумилёву, что расцвет духа возможен лишь на фоне полного, предельного напряжения человеческих сил. Он писал: «Мне с трудом верится, чтобы человек, который каждый день обедает и каждую ночь спит, мог вносить что-нибудь в сокровищницу культуры духа. Только пост и бдение, даже если они невольные, пробуждают в человеке особые, дремавшие прежде силы».

Гумилев полагал, что человек, желающий обрести и вместить в себя истину, должен «любить мир» и «верить в Бога».

Есть Бог, есть мир; они живут вовек
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но всё в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

После большевистского переворота 1917 года, живя в безбожной совдеповской России, Гумилёв никогда не скрывал своих религиозных и политических взглядов. Так, на одном из поэтических вечеров на вопрос из зала «Каковы ваши политические убеждения?» он ответил: «Я убеждённый монархист».

3 августа 1921 года Гумилёв был арестован по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева». При аресте он захватил с собой в камеру две книги: Библию и Гомера.

24 августа вышло постановление Петроградской ГубЧК о расстреле участников «Таганцевского заговора» (всего 61 человек). Дата, место расстрела и захоронения неизвестны. Анна Ахматова, оплакивая своего

возлюбленного, мужа и отца единственного сына, написала:

«Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.

Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля»

Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Потомки Каина

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод, и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев – все запретные труды,
Для девушек – янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два дровца
Соединит на миг крестообразно?

Выбор

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,

И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право –
Самому выбирать свою смерть.

Сон Адама

От плясок и песен усталый Адам
Заснул, неразумный, у Древа Познания.
Над ним ослепительных звезд трепетанья,
Лиловые тени скользят по лугам,
И дух его сонный летит над лугами,
Внезапно настигнут зловещими снами.

Он видит пылающий ангельский меч,
Что жалит нещадно его и подругу
И гонит из рая в суровую вьюгу,
Где нечем прикрыть им ни бедер, ни плеч...
Как звери, должны они строить жилище,
Пращей и дубиной искать себе пищи.

Обитель труда и болезней... Но здесь
Впервые постиг он с подругой единство.
Подруге – блаженство и боль материнства,
И заступ – ему, чтобы вскапывать весь.
Служеньем Иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вот новые люди... Очерчен их рот,
Их взоры не блещут, и смех их случаен.
За вепрями сильный охотится Каин,
И Авель собирает маслины и мед,
Но воле не служат они патриаршей:
Пал младший, и в ужасе кроется старший.

И многое видит смущенный Адам:
Он тонет душою в распутстве и неге,
Он ищет спасенья в надежном ковчеге
И строится снова, суров и упрям,
Медлительный пахарь, и воин, и всадник...
Но Бог охраняет его виноградник.

На бурный поток наложил он узду,
Бессонною мыслью постиг равновесье,
Как ястреб врезается он в поднебесье,
У косной земли отнимает руду.
Покорны и тихи, хранят ему книги
Напевы поэтов и тайны религий.

... Он любит забавы опасной игры –
Искать в океанах безвестные страны,
Ступать безрассудно на волчьи поляны
И видеть равнину с высокой горы,

Где с узких тропинок срываются козы
И душные, красные клонятся розы.

Он любит и скрежет стального резца,
Дробящего глыбистый мрамор для статуй,
И девственный холод зари розоватой,
И нежный овал молодого лица,
Когда на холсте под ударами кисти
Ложатся они и светлей и лучистей.

Устанет – и к небу возводит свой взор,
Слепой и кощунственный взор человека:
Там, Богом раскинут от века до века,
Мерцает над ним многозвездный шатер.
Святыми ночами, спокойный и строгий,
Он клонит колена и грезит о Боге.

Он новые мысли, как светлых гостей,
Всегда ожидает из розовой дали,
А с ними, как новые звезды, печали
Еще неизведанных дум и страстей,
Провалы в мечтаньях и ужас в искусстве,
Чтоб сердце болело от тяжких предчувствий.

И кроткая Ева, игрушка богов,
Когда-то ребенок, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
В зловещем мерцанье ее жемчугов,
Предвестница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобных, и хмурых несчастий.

Так золото манит и радует взгляд,
Но в золоте темные силы таятся,

Они управляют рукой святотатца
И в братские кубки вливают свой яд.
Не в силах насытить, смеются и мучат
И стонам и крикам неистовым учат.

Он борется с нею. Коварный, как змей,
Ее он опутал сетями соблазна.
Вот Ева – блудница, лепечет бессвязно,
Вот Ева – святая, с печалью очей.
То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая.

И он наконец беспредельно устал,
Устал и смеяться и плакать без цели;
Как лебеди, стаи веков пролетели,
Играли и пели, он их не слышал;
Спокойный и строгий, на мраморных скалах,
Он молится Смерти, богине усталых:

«Узнай, Благодатная, волю мою:
На степи земные, на море земное,
На скорбное сердце мое заревое
Пролей смертоносную влагу свою.
Довольно бороться с безумьем и страхом.
Рожденный из праха, да буду я прахом!»

И медленно рея багровым хвостом,
Помчалась к земле голубая комета.
И страшно Адаму, и больно от света,
И рвет ему мозг нескончаемый гром.
Вот огненный смерч перед ним закрутился,
Он дрогнул и крикнул... и вдруг пробудился.

Направо – сверкает и пенится Тигр,
Налево – зеленые воды Евфрата,
Долина серебряным блеском объята,
Тенистые отмели манят для игр,
И Ева кричит из весеннего сада:
«Ты спал и проснулся... Я рада, я рада!»

Христос

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

«Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды, –
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отраднo будет Сыну
В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

Канцона

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.

Точно благовест Твой, весна
По веселым идет полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Появись, как Незримый Свет,
И на все, что спросит она,
Ослепительный дай ответ...

Ворота рая

Не семью печатями алмазными
В Божий рай замкнулся вечный вход,
Он не манит блеском и соблазнами,
И его не ведает народ.

Это дверь в стене, давно заброшенной,
Камни, мох, и больше ничего,
Возле – нищий, словно гость непрошенный,
И ключи у пояса его.

Мимо едут рыцари и латники,
Трубный вой, бряцанье серебра,
И никто не взглянет на привратника,
Светлого апостола Петра.

Все мечтают: «Там, у Гроба Божия,
Двери рая вскроются для нас,
На горе Фаворе, у подножия,
Прозвенит обетованный час».

Так проходит медленное чудище,
Завывая, трубит звонкий рог,
И апостол Петр в дырявом рубище,
Словно нищий, бледен и убог.

Андрогин

(отрывок)

Тебе никогда не устанем молиться,
Немыслимо-дивное Бог-Существо.
Мы знаем, Ты здесь, Ты готов проявиться,
Мы верим, мы верим в Твое торжество.

Сергей Александрович Есенин (1895-1925)

В 1912 году начинающим поэтом Сергей Есенин приезжает из рязанской деревни в Москву. К тому времени душа его органично вобрала быт и особенности патриархального уклада русского крестьянства. В столице он привлек к себе богемную, литературную среду не только обликом сказочного Леля, но также романтизмом мировосприятия и нравственным максимализмом. В ту пору Есенин верил в благородный подвиг, святую правду, в миссию поэта-пророка, готового клеймить порочную и слепую толпу. Он демонстративно и не без вызова противопоставлял себя «болоту» салонного снобизма надуманной поэтической изощренности. Главная тема его лирики того времени – одухотворенная красота русской природы, послушание и странничество, богоизбранность русского крестьянства. Юношеский максимализм сказался в его представлениях о Христе как о великой личности, исполненной нравственной чистоты и совершенства. Но, надо заметить, что Господа и Спасителя он воспринимал заземленно, видя в нем, прежде всего, образец человека, наделенного высоким светлым умом и благородной душой, зажженной любовью к ближним. Не имея должной духовной наставленности, Есенин в то

время разделял ложное представление о равенстве человека и Христа. Приводим слова поэта: «Люди, посмотрите на себя, не из вас ли вышли Христы и не можете ли вы быть Христами? Разве я при воле не могу быть Христом, разве ты тоже, – спрашивал он Г. Панфилова, – не пойдешь на крест, насколько я тебя знаю, умирать за благо ближнего?»

В годы предреволюционного брожения Есенин поддается всеобщему настроению, что обнаруживается в политическом вызове и религиозном нигилизме.

В 1915 году он переезжает из Москвы в Петербург, где знакомится с Блоком, Городецким, Ремизовым, а также с крестьянскими поэтами Клюевым, Клычковым. К поэту приходит признание и слава. Но в нравственном отношении жизнь его меняется отнюдь не к лучшему. Вслушайтесь в строчки его стихов:

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.
И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шею
Полюбить тоску.

Россия становится для него уже не страной кроткого Спаса, а лоном революционного мятежного своеволия. На события 1917 года поэт отзывается циклом поэм и стихов, в которых присутствует религиозно-пафосная фразеология. Подобно Блоку и части русской интеллигенции, в тех исторически переломных событиях поэт видел осуществление псевдоевангель-

ского мифа о торжестве свободы, равенства и братства на Земле.

Последующие годы жизни поэта в стране кроваво-кумачовых знамен привели его к горькому разочарованию и трагическому исходу. Соблазн обретения царства Божьего на Земле обернулся для России национальной катастрофой и бесчисленными жертвами. Трагический жизненный путь выдающегося русского поэта Сергея Есенина – очевидное тому подтверждение.

Шел Господь пытаться людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дубrove,
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой, –
Знать, от голода качается, болезный».

Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... Маленько крепче будешь».

Калики

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись пречистому Спасу.

Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иисусе.

Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
»Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску! Идут скоморохи!»

Я странник убогий.
С вечерней звездой
Пою я о Боге
Касаткой степной.

...

Ширком в луговины,
Целую сосну,
Поют быстровины
Про рай и весну.

Я, странник убогий,
Молюсь в синеву.
На палой дороге
Ложуся в траву.

Покоюся сладко
Меж росновых бус;
На сердце лампадка,
А в сердце Иус.

Не ветры осыпают пуши,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой куши
Струятся звездные псалмы.

Я вижу – в просиничном плато,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорью и полднью у куста».

И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас.

Чую радуницу божью –
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

...

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В богородицын покров.

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольню крестится рука.

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.

Но не любить тебя, не верить –
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Пришествие

(отрывок)

...Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.

За горой нехоженой,
В синеве долин,
Снова мне, о боже мой,
Предстает твой сын.

По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей России
Он несет свой крест...

За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь –
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

Молитва матери

На краю деревни старая избушка,
Там перед иконой молится старушка.

Молитва старушки сына поминает,
Сын в краю далеком родину спасает.

Молится старушка, утирает слезы,
А в глазах усталых расцветают грезы.

Видит она поле, поле перед боем,
Где лежит убитым сын ее героем.

На груди широкой брызжет кровь, что пламя,
А в руках застывших вражеское знамя.

И от счастья с горем вся она застыла,
Голову седую на руки склонила.

И закрыли брови редкие сединки,
А из глаз, как бисер, сыплются слезинки.

Борис Леонидович Пастернак (1890-1960)

Ко времени революционной смуты 1917 года ему исполнилось 27 лет. Благодаря родителям, отцу-художнику и маме-пианистке, ему рано открылся завораживающий, влекущий мир живописи, музыки и литературы. Судя по стихам и письмам поэта, внутренняя прикровенная религиозность сопутствовала ему на протяжении всей жизни. С особой очевидностью это свойство его души проявилось с 1945 по 1955 гг. во время работы над романом «Доктор Живаго».

В цикле «Стихи из романа» Пастернак, по сути, дает поэтическое переложение основных событий из жизни Господа. Подобно тому, как в чередке церковных праздников перед нами проходит история нашего спасения, так и в стихах Пастернака жизнь Господа прослеживается от рождения до распятия и победоносного воскресения.

Биография поэта содержит как свидетельства его признания в новой России, так и драматические переживания, выпавшие на последние годы жизни. После публикации в Италии в 1957 году романа «Доктор Живаго» и присуждения за него Нобелевской премии, Пастернак подвергся всеобщей травле. Его исключили из Союза писателей и грозились выдворить за преде-

лы Советского Союза. Поэт вынужден был отказаться от Нобелевской премии. В письме к Хрущеву он униженно просил не высылать его из страны, что по его словам было «равносильно смерти». Вековечный вопрос «Быть или не быть?», прозвучавший у Шекспира в устах Гамлета, встал пред Пастернаком в те роковые дни. Как человек верующий, он имел перед глазами пример Гефсиманского борения Христа, когда тот, предвидя крестные муки и смерть, молился: «Отче мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не Моя воля, но Твоя да будет». Сам Пастернак в стихотворении «Гамлет» признал, что в тот момент он не имел душевных сил и воли решиться на выбор сообразной совести и призванию.

Гамлет

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.
На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.
Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.
Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

В романе «Доктор Живаго» стихи религиозного содержания были помещены в заключительной главе. Сам поэт считал их лучшими из им написанного. При чтении их не покидает напряженное переживание событий жизни и крестного подвига Спасителя. Поэт органично и почти дословно переносит в ткань стихов евангельские и литургические тексты.

Автором не случайно выбрана фамилия главного персонажа Живаго, что в переводе с церковно-славянского значит «живой». Так случилось, что в духовно-мертвящей атмосфере советского общества его фактически хоронят заживо. Не случайно роман начинается с похорон отца Юрия и пророческой фразы: «Живаго хоронят». А в финале сам герой после многих злосчастий умирает от сердечного удушья в переполненном трамвае.

Видимая безысходность сюжетного повествования преодолевается тем, что Юрий Живаго, которому Пастернак приписал авторство стихов, как бы воскресает в них в эпилоге романа. Прослеживая жизненные мытарства Юрия Живаго и его возлюбленной Лары, мы видим, что именно евангельские заповеди во многом определяли их мысли, чувства и поступки. Другими словами, немислимо и невозможно в человеке убить то, что связывало его с Богом, красотой мира, упоением и муками творчества.

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,

До оснований, до корней,
До сердцевины.

Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

Я вывел бы ее закон,
Ее начало,
И повторял ее имен
Инициалы.

Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды.

Достигнутого торжества
Игра и мука –
Натянутая тетива
Тугого лука.

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.
Цель творчества самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.
Но надо жить без самозванства,
Так жить, что бы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.
И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.
И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.
Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,

Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.
И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

Известно, Борис Леонидович пережил несколько инфарктов, но умер он не от сердца, а от рака. Эта болезнь явилась прямым следствием обрушившихся на него испытаний трех последних лет.

По воспоминаниям сына поэта, 1 мая 1960 года безнадежно больной Пастернак, в предчувствии близкой смерти, попросил свою знакомую Е.А. Крашенинникову вместе с ним пройти через таинство исповеди. Оставшись наедине с ней, он с прикрытыми глазами и преобразившимся, светлым лицом стал читать наизусть все причастные молитвы. Содержание исповеди она, по возможности дословно, сообщила своему духовнику, и тот, как священник, сотворил разрешительную молитву.

В больнице

Стояли как перед витриной,
Почти запрудив тротуар.
Носилки втолкнули в машину.
В кабину вскочил санитар.

И скорая помощь, минуя
Панели, подъезды, зевак,
Сумятицу улиц ночную,
Нырнула огнями во мрак.

Милиция, улицы, лица
Мелькали в свету фонаря.
Покачивалась фельдшерица
Со склянкою нашатыря.

Шёл дождь, и в приёмном покое
Уньло шумел водосток,
Меж тем как строка за строкою
Марали опросный листок.

Его положили у входа.
Всё в корпусе было полно.
Разило парами иода,
И с улицы дуло в окно.

Окно обнимало квадратом
Часть сада и неба клочок.
К палатам, полам и халатам
Присматривался новичок.

Как вдруг из расспросов сиделки,
Покачивавшей головой,
Он понял, что из переделки
Едва ли он выйдет живой.

Тогда он взглянул благодарно
В окно, за которым стена
Была точно искрой пожарной
Из города озарена.

Там в зареве рдела застава,
И, в отсвете города, клён

Отвешивал веткой корявой
Больному прощальный поклон.

«О Господи, как совершенны
Дела Твои, – думал больной, –
Постели, и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворного дозу,
И плачу, платок теребя.
О Боже, волнения слёзы
Мешают мне видеть Тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным Твоим сознавать.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук Твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр».

В стихотворении «Август» с проникновенной прощальной грустью поэт провидчески запечатлел картину своего ухода:

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами
Сосествовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,

Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ошутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом.

«Прощай, лазурь Преображенская,
И золото второго Спаса.
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины!
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я – поле твоего сраженья.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

Рождественская звезда

Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было младенцу в вертепе
На склоне холма.

Его согревало дыханье вола.
Домашние звери
Стояли в пещере.
Над яслями тёплая дымка плыла.

Доху отряхнув от постельной трухи
И зёрнышек проса,
Смотрели с утёса
Спросонья в полночную даль пастухи.

Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе,
И небо над кладбищем, полное звёзд.

А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей плошки
В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.

Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и Бога,
Как отблеск поджога,
Как хутор в огне и пожар на гумне.

Она возвышалась горячей скирдой
Соломы и сена
Средь целой Вселенной,
Встревоженной этою новой звездой.

Растущее зарево рдело над ней
И значило что-то,
И три звездочёта
Спешили на зов небывалых огней.

За ними везли на верблюдах дары.
И ослики в сбруе, один малорослей
Другого, шажками спускались с горы.

... Часть пруда скрывали верхушки ольхи,
Но часть было видно отлично отсюда
Сквозь гнёзда грачей и деревьев верхи.
Как шли вдоль запруды ослы и верблюды,
Могли хорошо разглядеть пастухи.

— Пойдёмте со всеми, поклонимся чуду,—
Сказали они, запахнув кожухи.

... По той же дороге, чрез эту же местность
Шло несколько ангелов в гуще толпы.
Незримыми делала их бестелесность,
Но шаг оставлял отпечаток стопы.

У камня толпилась орава народу.
Светало. Означились кедров стволы.
— А кто вы такие? — спросила Мария.
— Мы племя пастушье и неба послы,
Пришли вознести вам обоим хвалы.
— Всем вместе нельзя. Подождите у входа.

... Светало. Рассвет, как пылинки золы,
Последние звёзды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброда
Впустила Мария в отверстие скалы.

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.

Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.

Вдруг кто-то в потёмках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на Деву,
Как гостя, смотрела звезда Рождества.

Дурные дни

Когда на последней неделе
Входил Он в Иерусалим,
Осанны навстречу гремели,
Бежали с ветвями за ним.
А дни всё грозней и суровой.
Любовью не тронуть сердец.
Презрительно сдвинуты брови,
И вот послесловье, конец.
Свинцовую тяжестью всею
Легли на дворы небеса.
Искали улик фарисеи,
Юля перед ним, как лиса.
И темными силами храма
Он отдан подонкам на суд,
И с пылкостью тою же самой,
Как славили прежде, клянут.
Толпа на соседнем участке
Заглядывала из ворот,
Толклись в ожиданьи развязки
И тыкались взад и вперед.
И полз шепоток по соседству
И слухи со многих сторон.
И бегство в Египет, и детство
Уже вспоминались, как сон.
Припомнился скат величавый
В пустыне, и та крутизна,
С которой всемирной державой

Его соблазнял сатана.
И брачное пиршество в Кане,
И чуду дивящийся стол.
И море, которым в тумане
Он к лодке, как посуху, шел.
И сборище бедных в лачуге,
И спуск со свечою в подвал,
Где вдруг она гасла в испуге,
Когда воскрешенный вставал..

Чудо

Он шел из Вифании в Ерусалим,
Заранее грустью предчувствий томим.
Колючий кустарник на круче был выжжен,
Над хужиной ближней не двигался дым,
Был воздух горяч и камыш неподвижен,
И Мертвого моря покой недвижим.
И в горечи, спорившей с горечью моря,
Он шел с небольшою толпой облаков
По пыльной дороге на чье-то подворье,
Шел в город на сборище учеников.
И так углубился Он в мысли свои,
Что поле в уныньи запахло полынью.
Всё стихло. Один Он стоял посредине,
А местность лежала пластом в забытьи.
Всё перемешалось: теплынь и пустыня,
И ящерицы, и ключи, и ручьи.
Смоковница высилась недалеко,
Совсем без плодов, только ветки да листья.
И Он ей сказал: «Для какой ты корысти?
Какая мне радость в твоём столбняке?
Я жажду и алчу, а ты – пустоцвет,
И встреча с тобой безотрадней гранита.

О, как ты обидна и недаровита!
Останься такой до скончания лет».
По дереву дрожь осужденья прошла,
Как молнии искра по громоотводу.
Смоковницу испепелило дотла.
Найдись в это время минута свободы
У листьев, ветвей, и корней, и ствола,
Успели б вмешаться законы природы.
Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог.
Когда мы в смятеньи, тогда средь разброда
Оно настигает мгновенно, врасплох.

Магдалина

У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи
Обмываю миром из ведерка
Я стопы пречистые твои.

Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слез.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распустившихся волос.

Ноги я твои в подол уперла,
Их слезами облила, Исус,
Ниткой бус их обмотала с горла,
В волосы зарыла, как в бурнус.

Будущее вижу так подробно,
Словно ты его остановил.
Я сейчас предсказывать способна
Вещим ясновиденьем сивилл.

Завтра упадет завеса в храме,
Мы в кружок собьемся в стороне,
И земля качнется под ногами,
Может быть, из жалости ко мне.

Перестроятся ряды конвоя,
И начнется всадников разъезд.
Словно в бурю смерч, над головою
Будет к небу рваться этот крест.

Брошусь на землю у ног распятия,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.

Для кого на свете столько шири,
Столько муки и такая мощь?
Есть ли столько душ и жизней в мире?
Столько поселений, рек и рощ?

Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до воскресенья дорасту.

Гефсиманский сад

Мерцаньем звёзд далёких безразлично
Был поворот дороги озарён.
Дорога шла вокруг горы Масличной,
Внизу под нею протекал Кедрон.

Лужайка обрывалась с половины.
За нею начинался Млечный путь.

Седые серебристые маслины
Пытались вдаль по воздуху шагнуть.

В конце был чей-то сад, надел¹ земельный.
Учеников оставив за стеной,
Он им сказал: «Душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со мной».

Он отказался без противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь, как смертные, как мы.

Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.

И, глядя в эти чёрные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил Отца.

Смягчив молитвой смертную истому,
Он вышел за ограду. На земле
Ученики, осил²енные дремой,
Валялись в придорожном ковыле.

Он разбудил их: «Вас Господь сподобил
Жить в дни мои, вы ж разлеглись, как пласт.
Час Сына Человеческого пробил.
Он в руки грешников себя предаст».

И лишь сказал, неведомо откуда
Толпа рабов и скопище бродяг,
Огни, мечи и впереди – Иуда
С предательским лобзаньем на устах.

Пётр дал мечом отпор головорезам
И ухо одному из них отсек.
Но слышит: «Спор нельзя решать железом,
Вложи свой меч на место, человек.

Неужто тьмы крылатых легионов
Отец не снарядил бы мне сюда?
И, волоска тогда на мне не тронув,
Враги рассеялись бы без следа.

Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного её величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты».

На Страстной

Еще кругом ночная мгла.
Еще так рано в мире,

Что звездам в небе нет числа,
И каждая, как день, светла,
И если бы земля могла,
Она бы Пасху проспала
Под чтение Псалтыри.
Еще кругом ночная мгла.
Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла,
И до рассвета и тепла
Еще тысячелетье.

Еще земля голым-гола,
И ей ночами не в чем
Раскачивать колокола
И вторить с воли певчим.
И со Страстного четверга
Вплоть до Страстной субботы
Вода буравит берега
И вьет водовороты.
И лес раздет и непокрыт,
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых.
А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.

И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:

Они хоронят Бога.
И видят свет у царских врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица –
И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плащаницей,
И две березы у ворот
Должны посторониться.
И шествие обходит двор
По краю тротуара,
И вносит с улицы в притвор
Весну, весенний разговор
И воздух с привкусом просфор
И вешнего угара.
И март разбрасывает снег
На паперти толпе калек,
Как будто вышел человек,
И вынес, и открыл ковчег,
И всё до нитки роздал.
И пенье длится до зари,
И, нарыдавшись в досталь,
Доходят тише изнутри
На пустыри под фонари
Псалтырь или Апостол.
Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь –
Смерть можно будет побороть
Усиьем воскресенья.

Анна Андреевна Ахматова (1889–1966)

По свидетельству людей, близко знавших поэтессу, ее религиозность очевидна. Известно письмо Пастернака 1940 года, в котором он называет ее «истинной христианкой». В отличие от Гумилева, с которым Ахматову связывает любовь и творчество, она не по случаю пришла к вере, а провела с ней всю свою жизнь.

В ее творчестве библейские сюжеты и образы, церковные праздники и даты неизменно вплетены в ткань ее поэзии. Реалии бытовой религиозности часто являются в строках ее стихов.

События и переживания ее многотрудной жизни всегда преломлялись через призму веры. Внутренняя религиозность, в некотором роде, предала особую значимость лиризму ее переживаний и драматизму жизненных перипетий.

На изломе лет ее вера в духовном выражении становится церковно-выдержанной и выразительно строгой. В эти годы Ахматова глубоко переживает свою ответственность за собственную жизнь, которая воспринимается теперь как дар свыше, от Бога. Она сознает свое высокое поэтическое призвание, отдавая себе отчет, что «... имеющему дастся и приумножится; а у не имеющего отнимется и то, что он имеет» (Мф. 25, 29).

В стихотворении «Песня о песне» приведены слова из евангелия, которые высвечивают истину о служении поэта, как соработника Господа Бога.

Она сначала обожжет,
Как ветерок студеной,
А после в сердце упадет
Одной слезой соленой.

И злomu сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту легкую печаль
Оно не позабудет.

Я только сею. Собрать
Придут другие. Что же!
И жниц ликующую рать
Благослови, о Боже!

А чтоб тебя благодарить
Я смела совершенней,
Позволь мне миру подарить
То, что любви нетленней.

Послереволюционные годы Анна Андреевна сподобилась несколько раз общаться с оптинским старцем Нектарием, почившим в 1928 году. Однажды в беседе с ним она задала ему вопрос о ремесле поэта, о стихах. На что старец ответил: «Заниматься искусством можно, как и всяким делом, как столярничать или коров пасти, но все это надо делать как бы перед взором Божиим... Есть и большое искусство – слово убивающее и воскрешающее (псалмы Давида, например), но путь

к этому искусству лежит через личный подвиг художника, это путь жертвенный, и только отдельные из тысяч доходят до цели». Осмысливая тяготы и беды, которыми не скупясь одаряла ее жизнь в Советской России, Ахматова поняла, что истинное творчество духовно уже по самой природе своей. Священник Михаил Ардов в воспоминаниях об Ахматовой сообщает: «Много раз при мне и мне самому она высказывала своё глубочайшее убеждение: «Никогда ничто, кроме религии, не создавало искусства». Подобные взгляды и стойкая жизненная позиция ей стоили многого. Начиная с 1922 года книги Анны Ахматовой подвергались жёсткой цензурной правке, и до 1934 года практически не печатались. Сборники её стихов, вышедшие в свет с 1922 по 1966 гг., нельзя назвать в полной мере авторскими. До 1964 года Ахматова, по ее собственным словам, была «невыездной», то есть ее не выпускали за границу.

С 1935 по 1956 гг. ее сына Льва трижды арестовывали и приговаривали к разным срокам заключения. Переживания матери о злосчастиях сына сердечной мукой отложились в поэме «Реквием». Ахматова писала ее тайком, урывками. Опасаясь хранить у себя листки с написанным, она заучивала их наизусть и передавала на хранение тем из друзей, кому всецело доверяла. В центре поэмы стихотворение «Распятие». Эпиграфом к нему взяты строки из скорбных песнопений Великой Пятницы страстной седмицы: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе». В этом стихотворении зримо видна сопричастность ее многолетних мытарств за сына с тем, что суждено было выстрадать Матери Божьей при кресте своего сына и нашего Господа. Сердечные переживания Богородицы были предсказаны

ей Симеоном Богоприимцем, когда тот в Иерусалимском храме принял от нее на руки Богомладенца Христа. Старец прорек: «И тебе самой оружие (страдание) пройдет душу». Как видно из стихотворения, муки Пречистой были такой силы, что на нее страшно было смотреть.

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил?»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Очередной удар судьбы Анна Андреевна испытала на себе в послевоенном 1946 году. 14 августа вышло Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором резкой критике подвергалось ее творчество. Она была исключена из Союза советских писателей. В Постановлении Ахматова названа «барынькой», которая мечется между будуаром и молельней.

Перемены к лучшему в ее жизни наметились лишь в годы хрущевской «оттепели». В 1964 году в Италии ее награждают литературной премией «Этна-Таормина». А через 2 года в Англии Ахматовой вручают диплом почетного доктора Оксфордского университета. В том же году вышла в свет и зачитанные дни была раскуплена итоговая книга ее стихов – «Бег времени».

5 марта 1966 года Анна Андреевна умерла в подмосковном санатории в Домодедове. Отпевание проходило в Никольском соборе северной столицы, а похоронена она была на кладбище в Комарово.

В завершении приводим прочувствованное стихотворение питерского поэта Михаила Коносова, который присутствовал на панихиде:

«Еще плывет в душе октава хора,
Еще горит свеча в моей руке,
А Муза уже вышла из Собора
В венце терновом, в лавровом венке.

Ее полет необозрим и вечен,
Душа отпела, замерли глаза.
Спокойно спи, царица русской речи,
В России есть живые голоса.

Прости людей, предавших твое слово,
Для них последний уготован Суд.
Весенним днем их дети в Комарово
Тебя с печалью светлой помянут.

Наступит час и Музе непокорной
Честь воздадут на берегах Невы.
Перед стеной навек ты встанешь скорбно
С тоской бессмертной гордой головы».

Лотова жена

И праведник шел за посланником Бога,
Огромный и светлый, по черной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть

На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
Взглянула – и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.

Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Рахиль

И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник бездомный.
Стада подымали горячую пыль,
Источник был камнем завален огромным.
Он камень своею рукой отвалил
И чистой водою овец напоил.

Но стало в груди его сердце грустить.
Болезнь, как открытая рана,
И он согласился за деву служить
Семь лет пастухом у Лавана.
Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет – словно семь ослепительных дней.

Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.
Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.

И Лию незрячую твердой рукой
Приводит к Иакову в брачный покой.

Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,
И стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы.
Сестру проклиняет, и Бога хулит,
И Ангелу Смерти явиться велит.

И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный:
Иаков, не ты ли меня целовал
И черной голубкой своей называл?

Под крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья Апостолов я,
Слова Псалмопевца читаю.
Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней, –
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.

Я так молилась: «Утоли
Глухую жажду песнопенья!»
Но нет земному от земли
И не было освобожденья.

Как дым от жертвы, что не мог
Взлететь к престолу Сил и Славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы, –

Так я, Господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной?

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской Церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяненная блудница,
Не знала, кто берет ее,

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,

Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

А! Это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
Страшна моей душе предгрозовая тишь.
Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,
Врученным мне навек любовью и судьбою.
Я предала тебя. И это повторять –
О, если бы ты мог когда-нибудь устать!
Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,
Так ангел смерти ждет у рокового ложа.
Прости меня теперь. Учил прощать Господь.
В недуге горестном моя томится плоть,
А вольный дух уже почиет безмятежно.
Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный,
И крики журавлей, и черные поля...
О, как была с тобой мне сладостна земля!

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал – истратил слишком много.
Неистоцима только синева
Небесная и милосердье Бога.

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор – к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово.

Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести?
Долгую песню, льстивая,
О славе поет судьба.
Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца.

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:

Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, всегда в своих путях уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

Молитва

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Поэма «Реквием»

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,—
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

1961

Вместо предисловия

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

1 апреля 1957, Ленинград

Посвящение

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат —
Мы не знаем, мы повсюду те же,

Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна...
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный свой привет.

Март 1940

Вступление

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

1

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

[Ноябрь] 1935, Москва

2

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.

Входит в шапке набекрень,
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна.

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

1938

3

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.

1939

4

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей -
Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука - а сколько там
Неповинных жизнью кончается...

1938

5

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пыльные цветы,
И звон кафельный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

1939

6

Легкие летят недели,
Что случилось, не пойму.
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

Весна 1939

7

Приговор

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

[22 июня] 1939, Фонтанный Дом

8

К смерти

Ты все равно придешь - зачем же не теперь?
Я жду тебя - мне очень трудно.

Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом.
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой,-
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застилает.

19 августа 1939, Фонтанный Дом

9

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в черную долину.

И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.

И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрашивай его
И как ни докучай мольбою):

Ни сына страшные глаза -
Окаменелое страдание,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук -
Слова последних утешений.

4 мая 1940, Фонтанный Дом

10

Распятие

*Не рыдай Мене, Мати,
во гробе зрящия.*

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А матери: «О, не рыдай Мене...»

1938

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1940, Фонтанный Дом

Эпилог

I

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

II

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,

Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условием - не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забуть громыхание черных марушь,

Забуть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы, струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

Слово от составителя

В заключительной части сборника «Небесные блики» я дерзновенно вознамерился разместить некоторые из моих стихов соответствующего содержания. Смирненно сознавая разновеликость своего дарования с мастерами слова, я всего-навсего хочу поделиться выстраданным опытом обретения веры.

С августа 1969 года по 1974 за организованную антисоветскую деятельность отбывал наказание в лагерях для особо опасных государственных преступников. Лагпункты числом около 10 находились в Мордовии и были объединены общим названием – «Дубравлаг». На момент ареста я работал следователем прокуратуры г.Рязани, был женат. Моей доченьке Алёне к тому времени было чуть больше годика. Рита, моя жена, училась в Московском университете (МГУ) на историческом факультете. Чувство любви к ним, к родителям, всем, кто мне был дорог, стало для меня истинным спасением в годы заключения. Переписка, редкие свидания не дали угаснуть моему чувству. Мои весточки к Рите сделались для меня своего рода лирическим дневником, исповеданием сердца. На их страницах отразился также сложный, в чем-то мучительный поиск Бога.

Год назад я задумал опубликовать их в отдельной книге. Письма из зоны проходили обязательную цензуру, поэтому в них почти отсутствовали какие-либо све-

дения о лагерной обстановке и людях, меня окружавших. Восполняют этот пробел написанные мной небольшие главки, они дают представление о повседневной стороне жизни в местах, не столь отдаленных. Кроме того, мне пришло в голову включить в издание стихи, которые своим содержанием дополняют эмоциональный и событийный контекст переписки. В апреле 2013 года вышла книга «Горюша моя ясная». Ниже привожу из нее две главки и некоторые стихи.

Хочу добавить, что по выходу из зоны я предпринял безуспешные попытки поступления в семинарию и рукоположения в священнослужители. Пришлось немало помытарить и поблукать в поисках обретения духовного призвания.

С 1995 года, будучи магистром богословия, стал преподавать в Тульском педагогическом институте. В это же время началось мое подвизание к Тульской епархии РПЦ в качестве катехизатора и миссионера. После открытия в 2002 году духовной семинарии, был приглашен туда для преподавания.

Семнадцать лет, как занимаюсь духовно-просветительской работой. С 1998 года возглавляю общественную организацию «Духовно-патриотический центр «Колокол». Публикуюсь и выступаю в СМИ. Четыре года назад издал сборник стихопрозы «Оплакивая и утешаясь».

Мои контакты:

Эл.почта: SeninOleg19-oct@yandex.ru

Сайт: www.olegsenin.com

Главка «Боженька»

На получасовую прогулку из БУРа нас с Валерой выводили в 5 часов вечера (БУРом в лагерном лексиконе называли барак усиленного режима. Туда выдворяли заключенных за нарушение режима). Проходила она в небольшом глухом дощатом дворике с высотой стен где-то в три метра. Надзиратель запирали за нами дверь и уходил. Мы с Валерой делали зарядку, дурачась толкались, либо вышагивали из угла в угол каждый по своей стороне. В тот вечер мой сокамерник заспался и отказался идти на прогулку. Меня же, напротив, тянуло побыть на воздухе, под небом.

Прошло полтора месяца моего пребывания в БУРе, пониженный паек за отказ от работы давал о себе знать ватной слабостью в ногах и болями в сердце, особенно по ночам.

Осень в том году стояла на удивление теплой. Оставшись один, я какое-то время ходил, но скоро устал и расслабленно прислонился спиной к стене. Взгляд мой поверх забора привечали макушки сосен. Долгих 3 недели от Риты не было писем. При голоде и холоде они мне были нужны как никогда. Непреходящая тревога, ревность, самые мрачные предположения просто изводили меня. Терзаясь, я не способен был ни о чем другом думать. Сколько ни пытался забыться, переключиться

на что-то другое, мне это не удавалось. Вечер был тихий, знакомые запахи осени делали его необычным, умилительным. Запрокинув голову и прикрыв глаза, пытался представить ее там, в далеком, чужом мне городе. Мне хотелось ее пожалеть, утешить. Но выходило что-то другое: подозрительное, нечистое, вызывающее горечь обиды. В дощатом тюремном дворике, среди милой русской осени, в те минуты я нестерпимо остро почувствовал одиночество и оставленность. «Ну где же ты, Рита моя? Если бы ты знала, как мне плохо...»

Не помню, сколько я так простоял, и вдруг откуда-то извне, как бы сверху, на меня стало сходить нечто легкое, ласковое, радостно узнаваемое. Оно мягко кружило, заслоняя и удаляя все наболевшее. Тепло, которое я ощутил, напоминало то, что блаженно согревало меня в детстве, когда ребенком я зябко прижимался к маме, засыпая под одним с ней одеялом. Наитие свыше свершалось без моей воли, но ощущалось таким сладостным, умиротворяющим, что ничего помимо и не желалось. Блаженство и покой, которые оно приносило, невозможно было выразить. При этом во мне самом – ни удивления, ни каких-либо отчетливых мыслей. Но в то же время все существо мое, ощутившее прикосновение неизъяснимой благодати, растроганно осознавало – это Он, Бог. Он вернулся ко мне из моего незапамятного детства. Мой Боженька!..

Чувство реальности вернулось ко мне, когда я ощутил, что запрокинутое лицо все залито слезами. Без всхлипов и рыданий они катились из глаз. В те мгновения только слезы, обильные и беззвучные, могли выразить благодарную потрясенность моей души.

Кто в скорбной нежности нас всех теплом дарит,

Кем отогреты рученьки ледащие?
Как слезы радости, слова моих молитв,
Во благости твоей ответы находящие.

Кому обязан я сиянием истин,
Чей смысл для гордых душ непостижим?
В ком нахожу хранительную пристань
И сердца жар среди холодов и зим?

Кого, растроганному, мне благодарить
За сад осенний, облетающий,
За небо, не уставшее дарить
Сочувствием своим все понимающим?..

Главка «Молитвы»

Александр Викторович Иванов, ученый-историк из питерской националистической организации, подарил мне по случаю молитвослов, с тускло-серебристым крестом на затертой синеватой обложке. До сих пор храню его, как реликвию. В зоне мне приходилось относиться к нему с наименьшим бережением, опасаясь очередного внутриварачного обыска (шмона). Не рискуя лишиться святыни, я переписывал в отдельный блокнотик одну из молитв, а затем за 2-3 дня заучивал ее. Благодаря дедушке, Павлу Федоровичу Сенину, мне с младых ногтей были известны некоторые из них. Одни из молитв со временем призабылись, но при обращении к ним с легкостью оживали в памяти.

Лишившись в одночасье всего, я стал относиться к утраченному с проникновенным, отчасти религиозным чувством. Оно зримо проступает в моих письмах из зоны: чем ниже склонялось небо к моему горю, тем сильнее становилась слезная благодарность Богу. Рита, Алена, родители... душа моя в те годы изболелась за них. Сломленному, бессильному что-либо изменить, мне вдруг открылось, что он, Господь, любит их, как и я, сострадает и старается помочь. Вскоре после ареста, получив карточку с мордашкой Аленки, я украдкой целовал ее и шептал: «Доченька, цветочек мой майский...

Как хочу поднять на руки пушинку мою, зацеловать, дурачиться с тобой, быть рядом...» С тем же чувством родственной растроганности я обращался и к Нему, зная, что Господь слышит и отвечает мне. В разлуке любовь к Рите питала меня изголодавшегося, крепила обессилевшего. Чем ярче становилась звезда моего очарования, тем сильнее мучила совесть за прошлые обиды и обманы. Я готов был веревки из себя вить, чтобы быть достойным ее.

Заучивая молитвы, я поражался глубине покаяния, присутствующей в них. А ведь они были составлены людьми, которых ныне мы почитаем за великих праведников. Между тем сами они всечастно винулись пред Богом в том, что грехами своими причиняли боль Ему, вселюбящему и сострадающему. В прошлом я не однажды переживал похожие терзания, побуждавшие меня к повинным признаниям.

«...Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всеильными мольбами отжени от мене, смиренного и окаянного раба Твоего, уныние, забвение, неразумие, нерадение, и вся скверная, лукавая и хульная помышления от окаянного моего сердца и от помраченного ума моего; и погаси пламень страстей моих, яко нищ есмь и окаянен. И избави мя от многих и лютых воспоминаний и предприятий, и от всех действий злых свободы мя...»

В условиях зоны молитва требовала уединения. Одно дело, когда ты предстоишь пред Богом в храме, среди себе подобных. Но не просто было найти место и время среди людской стесненности. Не всякий мог на виду у многих глаз творить проникновенную молитву, осеняя себя крестным знаменем и делая поклоны. Ради святого дела верующие приспособлялись, как могли.

В дальнем углу рабочей зоны у меня была своя тропка вдоль «запретки». В половине 3-го, сделав две нормы, последующие два часа до развода я имел благословенную возможность читать и молиться. На тропке, прежде чем достать блокнотик с переписанными молитвами, крошил куски хлеба, принесенные с обеда, разбрасывая их на снегу для воробьев и галок. Было в этом занятии нечто умиротворяющее, иноческое. Молитву заучивал предложениями. Запомнив одно, переходил ко второму, но повторял уже оба сразу. И так до завершения. При каждом повторе душу озаряли отблески внешне открывавшихся смыслов.

«...просвети ум мой светом разума святого Евангелия Твоего, душу любовьию Креста Твоего, сердце чистотою словесе Твоего, тело мое Твоею страстию безстрастною, мысль мою Твоим смирением сохрани...»

Творя молитву, изредка останавливался, чтобы положить влюбленный взгляд на зеленоснежный окомцепенеющего леса. Сосны, снег, небо вчера и сегодня оставались неизменно те же, но всякий день глаз не уставал любоваться ими. Молитва, сопутствуя созерцанию, грела изнутри, делая все вокруг невыразимо близким, твоим, Божьим.

«Благослови, душе моя, Господа,
Благословен еси, Господи
Благослови, душе моя, Господа
и вся внутренняя моя, Имя святое Его.
Благослови, душе моя, Господа
и не забывай всех воздаяний Его...»

Свое местечко имелось и для вечерней молитвы, как раз на углу барака, рядом с моим окном. Перед отбоем

зэки, готовясь ко сну, расходились с улицы. Это краткое времечко было мне очень дорого. Стоя на углу, лицом к лесу, тихо радуясь уединению, я обращался к Нему как заученными, так и своими, из сердца идущими словами. Зная, что кроме постового в эти минуты меня никто не видит, я не таил набегавших слез. Поминая поименно всех своих, будто обнимал дорогих мне родителей, сестрицу Галину с братом Михаилом; благословляя, нежно целовал на сон грядущий Риту и Алену. Каким бы ни было небо над головой – звездным или пасмурным, полным вечернего мрака или меркнувшего света, – я знал, что молитвы мои доходят до Господа. Верилось: Он своей хранительной любовью пребудет со мной и с ними в предстоящей ночи. При этом душу осеняло чувство, похожее на то, когда перед сном, склоняясь над кроватью Алены, я поправлял одеялко и, едва касаясь, целовал теплые пальчики на ее ручонке...

Пресвятая Богородица и все святые, молитесь Бога за нас.

Доченьке моей из камеры

Знаю, сосны есть где-то
И церквушки в снегу,
Голубые кометы
Темный лес стерегут.

Утомившись игрою
Звуков дня – шалуна,
Распрягла свою тройку
У берез тишина.

Ни качанья, ни вздоха,
Ни дрожанья ресниц,

Звездно дремлет эпоха
Над стенами звонниц.

Горюше моей

Четыре стены, снегопад за окном,
Покорного времени долготерпенье.
Но нет моей девочки, и не дано
Наполнить минуты ее прославленьем.

Печально светлеет раскрытая книга,
Прекрасное фото, как отсвет виденья
Того несказанно счастливого мига,
Что встарь называли Святым Единеньем.

Когда в твоих милых славянских чертах,
Как фреска, проглянет забытая вера,
Я вижу наш город, ворон на крестах,
Печаль неизбывную осени серой.

В разлете бровей над зарницами глаз,
В цветке твоих губ с поцелуйною влагой
Я вижу смиренные, не напоказ,
Черты, наполнявшие сердце отвагой.

Лицом зарываясь в льняные потоки,
Сжимая в объятьях озябшее тело,
Я благословляю реченные сроки
Чтоб с верой свершить богоданное дело.

По дороге в Загорск
Всё сохранней и чище снега,
Март о лете с трудом вспоминает.

Только синь поднебесная
Благостно тает,
Дабы свет наших душ
Навсегда не угас.

Господь мой, бессмертный и крепкий,
Встающий в заставах сосновых боров
Светящийся, золотом сколотой щепки,
Влекущий созвучием колоколов!

К тебе в окаянстве своём притекаю,
Во храм принося покаяния грусть
И, благостно светел, смотрю не мигая
На лик, осенивший крещёную Русь.

Ветров весеннее приволье
Разрушенный ласкает храм.
И взгляда одного довольно,
Чтоб в душу привнести бедлам
Тоски, прозрений, тихой боли,
Век раскroивших пополам.

Перекошенными крестами
Горюет небо над землей,
Забыто вечное: «Бог с нами!»
А с ним – врачующий покой
Икон, окладов в полураме,
Паникадил над головой.

Утеряны ключи от рая
Поклонов, ектений, молитв,

В свечном огарке утопая,
Фитиль смиренья чуть горит, -
И в людях совесть пробуждая,
Собор поруганный стоит.

В селе Коломенском – нарядная трава,
В апрельской синеве сияют главки храмов,
Бьет колокол, стареют деревья,
Линяют титлы в грамоте охранной.

В селе Коломенском мы у себя, мы дома.
Нам русская живая старина,
Как даль красна, как хлеба кус знакома,
Трудами праотцев она утверждена.

В селе Коломенском, где церковь Вознесенья
Хранит от вандалов московский окоём,
Не мелочась, отбросивши сомненья
Мы правды ради дышим и живем.

Живем, как сироты, случайным подаяньем,
В печали, в радости - всегда к виску виском.
Господь лишь знает, может, не случайно
Приветил ангел нас улыбчивым лицом.

Пророк Моисей

Он не дошёл по той земли заветной,
До светлых её рек и солнечных дубрав –
Гнетущий груз греха и путь сорокалетний
Смежил ему глаза в чужой стране Моав.

Остались позади жара и пот Египта,
Зловещий свист бичей, моление и страх,

А впереди - она, как чаша неотпитая,
Манила и влекла земля цветов и трав.

Он видел Божий лик и гнев Его разящий,
Синяя дивный свет и ангелов крыла,
Но среди тьмы пустынь, сомнений и несчастий
Она ему звездой сияющей была.

Теперь лежать ему в сырой земле чужбины:
Ни камень, ни плита не скажут, где тот прах.
И вот в последний раз, как песня лебединая,
К престолу горнему молитва полилась.

И внял ему опять Творец и Бог Единый,
И скорбный дух его на небеса подъял,
Чтоб верный раб Его, страдавший неповинно,
Отчизны истинной покой и мир узнал.

Предречена минута,
Когда под медный бой,
Среди толпы сомкнутой
Предстану я босой.

За семь шагов до плахи,
За миг перед концом
К застиранной рубахе
Ты припадешь лицом.

В красе простоволосой,
Страданием исполненная,
Ты перед тьмой откоса
Мне ангела напомнишь.

Видения не нарушит
Взлетающий топор.
И примет мою душу
Всеангельский собор.

«...не видел того глаз, не слышало ухо,
и не приходило то на сердце человеку,
что приготовил Бог любящим Его»

(1Кор.2: 9)

Не печалься, милый человек,
О напастях, горестях, о доле.
Голубое небо боли лечит,
Травы прорастают Божьей волей.

Видит глаз свечение созвездий,
Слышит ухо плеск ночного моря,
Но никто не ведает на свете,
Что Господь для верных приготовил.

Там Христа не поведут к ответу,
На пророков рук там не наложат.
Словно вечер ласкового лета,
Тих приют божественных подножий.

И только псалмов млечное струенье,
Только даль немеркнущего света,
Да хвалы познавших воскресенье,
Да любовь Создателя Завета!

Поэтический цикл «Пленение»

Примечание. В этих стихах, написанных в Дубравлаге, в выстраданной скрутке сплелись воедино любовь к родной земле и богоданной женщине, жгучая тоска узилища и крошечный лампадный огонек надежды. И, наконец, истовая сопричастность высокому строю дум и чувствований, которыми отмечен крестный путь Руси, ее Голгофа и ее ожидаемое воскресение.

Беда

Так трудно начался пресветлый октябрь,
Тебя подаривший варяжскому сыну.
Княжна милолика, ты не повинна,
Что озими нежные в поле прозябли
И жизнь раскололась на две половины.
Княжна, утешенье мое и надежда,
Взметни свою белую руку к поводьям.
Зловещи над Клязьмой заката разводы,
В крови и порубах на милом одежды,
И ладо твое печенегι уводят.
...Гривастых коней неудержная стая
Любовь и отвагу над степью проносят,
От топота ломятся в заросли лоси.
Слезами и росами пыль прибывая,
Торопит погоню союзница-осень.

Заточенье

По рукам и ногам кандалы неподъемные,
Стены силятся вспомнить закатные блики.
Твои губы в улыбке, до любви неумные,
Сиротеющей ночью заходятся в крике.
А снаружи, к стенам, распокрытая осень,
Обласкавши подножья родных мне осин,
Паутину земли святорусской приносит
И заплаканных глаз твоих кроткую синь.
Тихих улочек наших расписные покои
До зазимков роднит листопадная гладь.
Но все золото их той улыбки не стоит,
Что в венчальный октябрь мое сердце зажгла.
Встань зажженной свечой над темничною мглой
Замоли, отведи, все небесные кары...
Все прошито разлуки железной иглой,
И мне целую вечность стонать и пластаться на нарах.

Ты прошепчи, - ты крикни, - я приду
И поддержу огонь, что наисходе.
Ты видишь: осень клином ввысь уходит,
И жить начертано нам на роду.
Изнемогают чуткие ладони
От прежней нежности прикосновений,
Волос и глаз твоих чудотворенье
Меня влекут к тишайшей речке Проне...
Но безвозвратны даты упоений,
И ветер по свету листву сырую гонит.

Зов

Перекасти то поле дикое венком,
Взлети на крик мой тошный серой утицей.

Не приведи полжизни пролежать ничком,
Я знаю, верю, у тебя получится.

Душа молчит, ей нечего сказать
Твоим глазам, взыскующим ответа;
Я в их чертог вошел как тать,
Минуя Ангела Великого Совета.

Вот отчего тоскуют небеса
Над влажной охрою листвы опалой.
Грехов тех лет на глупость не списать,
И мысль гнетет, что дал тебе так мало.

Жить хочется, не зарекаясь впредь.
Но совесть не молчит и не прощает.
И больно знать, что вся земная твердь
Твоей тоски сиротской не вмещает...

Тоска

Мне б камнем разбиться
И, в пыль обратясь,
К тебе устремиться,
Чтоб вдруг, в одночасье
Ничтожной пылинкой,
Крупницей любви
Слезинкой скатиться
На щеки твои.
И в слезном сияньи
Стоцветным алмазом
Тоску расставанья
Отсечь одним разом!

Посреди моей дремной земли,
Где-то близ Покрова-на-Нерли,
Ты мне видишься малой росинкой,
Той еще не просохшей слезинкой,
Что в печали Господь обронил.
Вдалеке, под дождливым навесом,
Я своим золотым отвесом
Всем, чем здесь на земле дорожу
Тебя там в полутьме нахожу
Как находят тропу среди темного леса.

Путь

Ты прости меня, ты прости,
Что иду к тебе долго и трудно:
По мостам разметали настил,
Обобрала ватага приبلудная
И цыган за коня не скостил.

Ты прости, что тебя к Покрову
Не утешу неожиданным приездом,
Дней твоих безотрадных канву,
Порасцвеченных слабой надеждой,
Я владычной рукой не прерву.

Ты прости меня, ты прости,
Что твое одинокое ложе,
Где давно уже жар мой остыл,
На холодную келью похоже
И подняться к молитве нет сил.

Но поверь мне, что ты, только ты,
Моих радостей грустная вестница,

Там, за далью последней версты,
Душу рвущей лампадкою светишься
И мои воскрешаешь мечты.

Я жду тебя, медлительный июль.
Ты явишь чудо, рано или поздно,
И в тихих днях твоих проступит грандиозность
Разлукой тронутых вселенских струн.

Неспешных вечеров засветится свеча,
Ушедших радостей припоминая,
И дивное, не знавшее названья,
Слиянье двух измученных начал.

Молитва

Сохрани ее, Боже, в затишье лесов
От всечасных набегов безрадостных мыслей,
В утешительных снах дни разлуки исчисли
И укрой за стеною молитв и постов.

И я верю, Ты, Господи, аще восхочешь,
Над ее головой станешь радугой светов,
Херувимским распевом брусничного лета, -
И тогда горечь слез ее синь не источит.

Твой светлый лик таит иносказанья
Рязанской достославной старины,
Как рукопись с утраченным названьем,
Как сладкий дым родимой стороны.

И по дороге к Сергиевой Лавре,
Вбирая сосен благостный покой,
Я видел, как закатами прославлен
Неизгладимо русский облик твой.

В постылости греховного плененья,
В разладе между жизнью и мечтой
Останется заветным утешеньем
Неопалимо русский образ твой.

Земля отцов

Прикажи умереть –
И я вскину в готовности голову,
Дай лишь мне досмотреть,
Как Господь наш поделит всем поровну.

Тот ненайденный клад
Непридуманной сказочной жизни,
Где, не мят и не клят,
Я живу в возрожденной Отчизне.

Там синеют снега,
Хорошеют резьбою деревни,
Там, блажен, наугад
Я бреду по прекрасной и древней

Среднерусской равнине,
Что в окладе мещерских лесов
Испокон и доньне
Почтена за основу основ.

Пусть узорные церкви
Собирают воскресший народ.

Да вовек не померкнет
Над тобой голубой небосвод!

И тогда, не простясь,
Просиявши счастливым лицом,
Я верну свою часть
Ради сказки с хорошим концом.

Воскресение

Опять на святцах – русская весна.
И снова Ты, оставив Вифсаиду,
Идешь туда, где, выместив обиду,
Тебя собьет глумливая волна.

Но, Господи, отныне и навеки
К подножью вознесенного креста
Березы юные, творя святой устав,
Печально клонят шелковые ветви.

И малых рек студеная водица,
Все слезы непросохшие вобрав,
Смешав их с благостью пасхальных трав,
Тебя зовет на землю возвратиться.

Чтоб навсегда, животворя творенье,
Превозмогая запустенья срам,
Вознесся к небу бело-синий храм
Пресветлого Христова Воскресенья!

Оглавление

Предисловие	3
Ломоносов Михаил Васильевич.	5
Утреннее размышление о Божием величестве	7
Преложение псалма 70	9
Преложение псалма 26	10
Державин Гавриил Романович	11
Ода «Бог»	12
Властителям и судиям.	17
Желание в горня	19
«Река времен в своем теченьи	20
Жуковский Василий Андреевич.	21
Памяти В. А. Жуковского	24
К К.М. Соковниной	25
Stabat Mater	26
«Корнилию сотнику было виденье»	27
Савл по дороге в Дамаск	28
«Теснятся все к тебе во храм»	29
Пушкин Александр Сергеевич	30
Мадонна	31
Ответ Пушкину Митрополита моск. Филарета	37
Монастырь на Казбеке	38
Ангел	39
Воспоминание	40
Пророк	43
Лермонтов Михаил Юрьевич	45

Из поэмы «Демон»	47
Пророк	48
«Плачь! плачь! Израиля народ»	49
«Когда надежде недоступный»	49
Молитва	50
Покаяние	51
Молитва	51
Ангел	52
«Когда б в покорности незнания»	53
«Когда волнуется желтеющая нива»	53
Молитва	54
Козлов Иван Иванович	55
Моя молитва	57
Молитва	59
«Где сердце любит, где страдает»	59
«Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая»	59
Баратынский Евгений Абрамович	61
На посев леса	63
Молитва	64
Из поэмы «Вера и безверие»	64
Приметы	65
«Болящий дух врачует песнопенье»	66
«Мужайся, не слабей душою»	66
Кольцо	66
Тютчев Фёдор Иванович	67
Из Микеланджело	70
Наш век	71
Теперь тебе не до стихов	71

«Слезы людские, о слезы людские»	72
«Над этой темною толпой»	72
«Умом – Россию не понять»	73
«Эти бедные селенья».	73
В Риме	73
При посылке нового завета	74
«Хоть я и свил гнездо в долине»	74
«Когда на то нет божьего согласия»	75
«Чему бы жизнь нас ни учила».	75
«Когда в кругу убийственных забот»	76
«Пошли, господь, свою отраду»	77
«Нам не дано предугадать»	77
Толстой Алексей Константинович	78
Из поэмы «Иоанн Дамаскин».	79
Из поэмы «Грешница»	81
«Едино, цельно, неделимо».	82
Из поэмы «Иоанн Дамаскин».	83
«И вещим сердцем понял я»	84
Мадонна Рафаэля	84
Плещеев Алексей Николаевич	85
Молитва	87
«О нет, не всякому дано»	88
«Перед тобой лежит широкий новый путь».	88
Зимний вечер	89
Легенда	90
Апухтин Алексей Николаевич	92
Восторженный Канон Дамаскина	93
Из Великого Канона	94

Моление о чаше	95
Голгофа	96
Жизнь.	97
Хомяков Алексей Степанович.	99
В эту ночь	101
Вдохновение	102
Давид	103
России	103
«Мы род избранный,— говорили»	104
«Подвиг есть и в сраженьи»	105
Кремлевская заутреня на пасху.	106
Некрасов Николай Алексеевич	107
Истинная мудрость	108
Тишина	109
«Смерти».	110
Влас	111
Школьник	114
Фет Афанасий Афанасиевич.	116
«Ночь тиха. По тверди зыбкой»	118
«Чем доле я живу, чем больше пережил»	119
«Когда Божественный бежал людских речей»	119
«1 марта 1881 года»	120
«Ворот»	121
Никитин Иван Саввич	123
Монастырь	124
«Когда один, в минуты размышленья».	125
Моление о чаше	126
Дедушка	127

Молитва	128
Новый завет	129
Соловьев Владимир Сергеевич	130
Имману-Эль	131
Панмонголизм	133
«Когда в свою сухую ниву»	134
Романов Константин Константинович	135
Вера.	136
Любовь вечна	136
Надпись на Евангелии	137
Колокола	137
«Когда креста нести нет мочи»	137
Из Апокалипсиса	138
«Когда провидя близкую разлуку»	138
«Научи меня, Боже, любить»	139
«Не говори, что к небесам»	139
На Страстной неделе	140
Надсон Семён Яковлевич	141
Христианка.	145
Из поэмы «Иуда»	150
Святитель	151
«Друг мой, брат мой, усталый...»	151
«Верь в великую силу любви!..»	152
Фофанов Константин Михайлович	153
Из Библейских мотивов	154
«Отче наш! Бог, в небесах обитающий»	155
Стансы сыну	155
Бунин Иван Алексеевич	157

Слово	158
Тора	158
Гробница Рахили	159
«В пустыне раскаленной мы блуждали».	159
Сон	159
Вход в Иерусалим	160
В Гефсиманском саду	161
В Гефсиманском саду	162
«Солнце уходит в далекие страны»	163
Троица	165
«За все Тебя, Господь, благодарю!»	166
Святитель	167
На исходе.	168
Ангел	168
Ночь и день	169
«Зарницы лик, как сновиденье»	169
«Звезда дрожит среди вселенной...».	170
Надпись на могильной плите	170
«Зачем пленяет старая могила»	170
«И цветы, и шмели, и трава, и колосья»	171
Блок Александр Александрович	173
«Спите, больные и духом мятежные»	174
«Чем больней душе мятежной»	174
«Входите все. Во внутренних покоях».	174
«Верю в Солнце Завета»	175
«Грешить бесстыдно, непробудно»	176
Коршун	177
Осенняя любовь	177

«Настал желанный час. Природа»	178
Гумилёв Николай Степанович	179
Наступление	180
Слово	183
Потомки Каина	184
Выбор	184
Сон Адама	185
Христос	189
Канцона	190
Ворота рая	190
Андрогин.	191
Есенин Сергей Александрович	192
Калики	194
«Я странник убогий»	195
«Не ветры осыпают пущи»	196
«Чую радуницу божью»	196
«Запели тесаные дроги»	197
«Гой ты, Русь, моя родная»	198
Пришествие	199
«За горами, за желтыми долами».	199
Молитва матери	200
Пастернак Борис Леонидович	201
Гамлет	202
«Быть знаменитым некрасиво».	205
В больнице	206
Рождественская звезда	210
Дурные дни	212
Чудо	213

Магдалина	214
Гефсиманский сад	216
На Страстной	218
Ахматова Анна Андреевна	221
«Магдалина билась и рыдала»	224
Лотова жена	225
Рахиль	226
«Под крышей промерзшей пустого жилья»	227
«Я так молилась...»	227
«Когда в тоске самоубийства»	228
«А! Это снова ты. Не отроком влюбленным»	229
«О, есть неповторимые слова»	229
«Ржавеет золото и истлевает сталь»	229
«Дал Ты мне молодость трудную»	230
«Пахнет гарью. Четыре недели»	230
«Помолись о нищей, о потерянной»	231
Молитва	231
Поэма «Реквием»	232
Вместо предисловия.	232
Посвящение	232
Вступление.	233
ПРИГОВОР	236
К смерти	236
Распятие	238
Эпилог	239
Слово от составителя	241
Главка «Боженька»	243
Главка «Молитвы»	246

Доченьке моей из камеры.	249
Горюше моей.	250
«По дороге в Загорск».	250
«Господь мой, бессмертный и крепкий».	251
«Ветров весеннее приволье»	251
Пророк Моисей	252
«Предречена минута».	253
«Не печалься, милый человек»	254
Поэтический цикл «Пленение»	255
Бедя	255
Заточенье.	256
«Ты прошепчи, - ты крикни, - я приду»	256
Зов	256
«Душа молчит, ей нечего сказать»	257
Тоска	257
«Посреди моей дремной земли»	258
Путь	258
«Я жду тебя, медлительный июль»	259
Молитва	259
«Твой светлый лик таит иносказанья».	259
Земля отцов	260
Воскресение	261

Сенин Олег Михайлович – человек легендарной судьбы. С 17 лет посвятил себя политической деятельности, имевшей целью реформирование государственного строя. В итоге, в 1970 году он был приговорен к 9 годам лишения свободы как руководитель саратовской антисоветской студенческой организации. В 1991 году был реабилитирован. Годы заключения обернулись полной утратой зрения. Однако неволя и слепота не сломили его, но способствовали жизненной закалке и целеустремленности.

Пережив в политлагере духовное обращение, Олег Михайлович ныне занимается духовно-просветительской, преподавательской и литературной деятельностью. Он известен, как церковный проповедник и миссионер. Является автором четырех книг и персонажем более десятка телефильмов. В его творческом диапазоне проза, поэзия, публицистика. Будучи магистром богословия, преподает в Тульской духовной семинарии.

Сборник «Небесные блики» может быть использован как учебное пособие по предмету «Основы православной культуры». Он будет интересен учащимся, студентам, преподавателям и всем, кто имеет живой интерес к духоносному поэтическому слову.

Более полную информацию об авторе можно получить на сайте **www.olegsenin.com**

Ваши отклики на сборник присылайте на эл. почту:
SeninOleg19-oct@yandex.ru

На обложке помещен вид
Всехсвятского кафедрального собора г. Тулы.

ООО «Имидж Принт», 300041, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, д. 70,
оф. 129, тел. (4872) 35-76-10, e-mail: post@ppc-ip.ru